

История кольского жемчуга

1. Следы невещественные

Хорошо там, где нас нет... Людям часто кажется, что все прекрасное и волшебное случается где-то за тридевять земель, в чужедальной стороне, что до ближайшего чуда нужно истоптать семь пар железных башмаков. Ну, или, по крайней мере, долго добираться самолетом. А на самом деле сказка рядом - только разгляди. Со сказок, с легенд и начну.

Слезы горькие и светлые

«Бытовала в Беломорье легенда о происхождении жемчуга, - писала выдающаяся исследовательница Русского Севера Ксения Гемп. - Мать у подножия креста сыновьего слезы лила, горькие слезы, тяжело они падали на ее плат и не скатывались, сажались, оставались при ней. И стали они тяжелым половинчатым жемчугом, который поморки сажали на покровы, плащаницы и ризы.

Но сын материнский ожил, и возрадовалась мать, и слезы светлые радостным ручьем покатались из ее глаз. Это жемчуг скатный, раскатился он, разошелся по всему белу свету. Все дивуются ему, лучше он самоцветов. Слеза горе облегчает, но не делит его, твое горе при тебе останется, а радостные слезы и другие с тобой разделят. Радует и печалит жемчуг, давали его в приданое девкам-невестам, чтобы ничьи, никакие слезы они не забывали».

Жемчуг! При этом слове воображение рисует тропические моря, коралловые рифы, ныряльщиков, достающих из лазоревых глубин заветные раковины. И мало кто задумывается, что сокровище, издревле служившее мериллом чистоты, красоты, совершенства, с давних пор добывалось на Кольском полуострове, в порожистых северных реках. И столетиями было частью привычного уклада жизни. Настолько, что когда промысел ушел в прошлое, остались после него не только вещественные следы. Не только хранящиеся ныне в музеях костюмы, головные уборы, украшения, но и сбереженные народом слова, сложенные в поверья, песни, предания.

Сказка последнего жемчуголова

«- Однажды убил дедушка-жемчуголов одним выстрелом лису, выдру, орла и семгу, - рассказывал в 70-е годы минувшего века писателю Вячеславу Опарину житель Керети Василий Келеваев. - Впрочем, семгу-то и не убил. Поскольку она волшебна была. Но одна дробица и ей в брюхо попала... Весной это было. Пороги в реке Кереть гудели уже вовсю».

С конца XVI и до второй половины XIX века село Кереть - один из центров жемчужного промысла, - ныне соседствующее с нашим краем на самом севере Карелии,

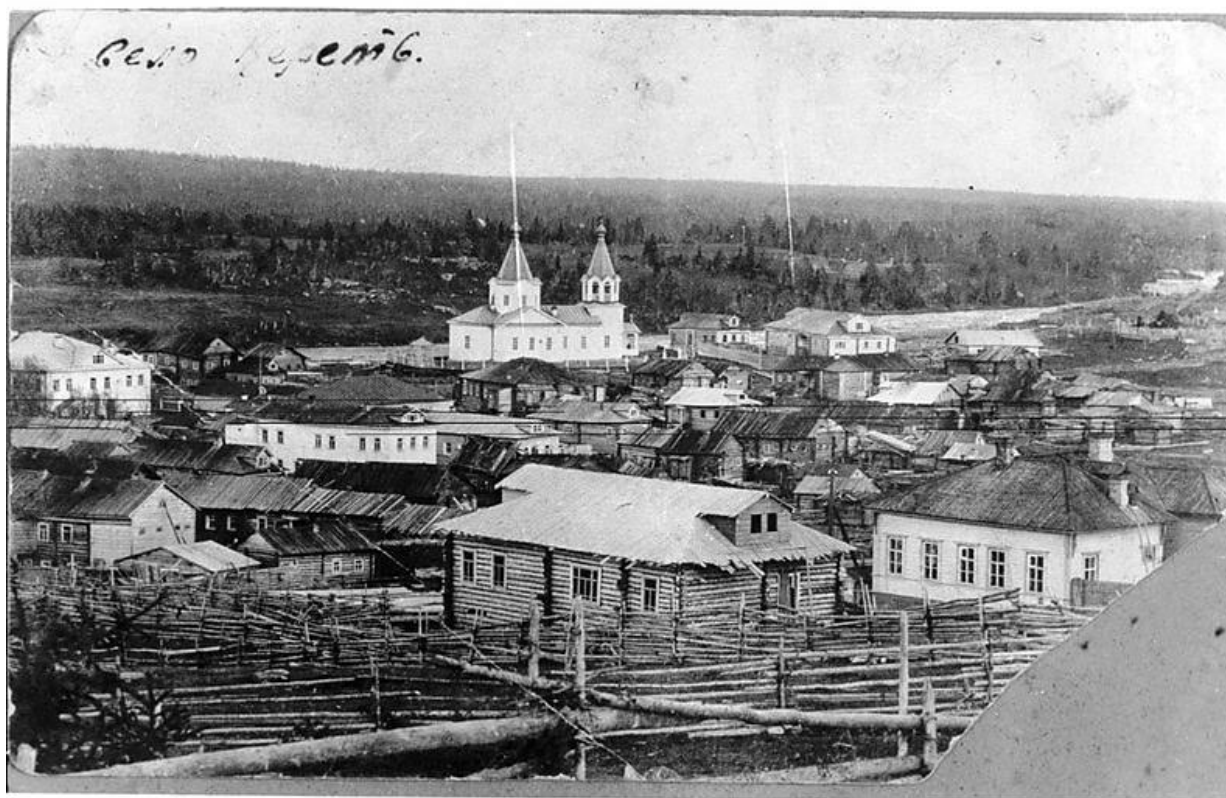
было частью Кольского уезда, управлялось с берегов Мурмана. Василий Николаевич Келеваев - потомок старинного рода промышленников жемчуга, последний керетский жемчуголов знал немало «жемчужных» сказок.

«Ну вот, одна семужина удирала от выдры, прыгнула в полое место, да и упала на лед. Направлением ошиблась, да вместо того, чтоб к воде, прочь от нее отскакала. Выдра за ней. И только пожелала зубами семужину ухватить - с берега лиса бежит. Тоже рыбки отведать хотище. Зачали они драцце. А тут сверху на прибавок орел спускаецце. Только хотел за семужину - а жемчуголов-то и стрелил. И убил сразу и лису, и выдру, и орла. Взял дед семужину за хвост, а она ему говорит человеческим голосом:

«Отпусти меня, дедо, в воду. Попала твоя дробина мне в брюхо и расколола жемчужину, котора во мне находилась. Ежели отпустишь - она срастецце, и я тебе ее принесу».

Не пожаловал дед, отпустил семужину с миром. Пороги шумят, времечко летит. Пришло лето. Идет дед по берегу. Слышит - зовет его кто-то. Подплыват к нему семужина. В зубах жемчужину держит.

«Это тебе награда за доброту. Этой жемчужине цены нет».

Село Кереть на дореволюционном снимке.

Симпатия между рыбой и слизняком

Жемчуг в наших краях рождается в двустворчатых моллюсках - европейских жемчужницах. По-латыни - *Margaritifera margaritifera*. Далеко не во всех - в одной из

нескольких сотен или даже тысяч наиболее крупных раковин. И раньше-то поди отыщи, а ныне - тем более.

Любит жемчужница чистую проточную воду. И не только воду. Еще в 1859 году писатель-этнограф Сергей Максимов пояснял: «Замечают поморы, жемчуг водится во всех реках, куда любит в избытке заходить семга, и что между этой породой рыб и слизняком (поморское название моллюска. - Д. Е.) существует какая-то темная, загадочная, труднообъяснимая симпатия».

В наши дни эта «симпатия» биологами объяснена. Семга разносит по рекам и ручьям личинок жемчужницы - глохидий, которые прикрепляются к ее жабрам. Не врет сказка - царь-рыба северных рек и жемчуг тесно связаны между собой. Но вернемся к следам неведомым, продолжим сказку.

«Ахнул жемчуголов. Жемчужина в его руке будто розовое солнышко сияет. И загорелась в нем жадность. «Достань-ка мне самую прозрачную жемчужину, матушка-семужина». Ни словечушка рыба не сказала, хвостом плеснула, в речную глыбь ушла. Дед жемчужину за щеку сунул, домой отправился.

А на другой день старик уж семужину караулит на берегу, руки от нетерпенья дрожат. Приплыват рыба, в зубах жемчужина блещет. Взял ее дед - охнул. Прозрачна, будто из керетской воды скатана, чиста и лучиста. Не жемчуг - день светлый в руках.

«А сейчас добудь мне, матушка-семга, самую диковинную жемчужину».

И снова приплыват рыба, в зубах жемчужину держит. Взял ее дед. Жемчужина черна, как зимняя ночь, а по ней крохотны звездочки-серебриночки сверкают. Как повернешь жемчужину - чудится, будто внутри ее по кругу махонькая лужа ходит, а звездочки шевелятся, помигивают, переливаюцца. Не жемчуг - ночь звездна в руках. Тут старик и вовсе ожадовал.

«Добудь, матушка-семга, теперь самую красивую на всем белом свете жемчужину».

Вместо миллиона - дробины

День прошел, второй, третий. Не приплыват семга. А старик кажин день ходит, окарауливат. Вот уже и осень наступила, и зима подступила. Предстала весна, пороги из-под льда вышли. Старик шел по берегу охотничать, а на лед семужина выпрыгнула. В зубах у нее крупна, кругла, покатииста жемчужина. Взял ее старик - ноги задрожали. Жемчужина голубым сиянием исходит, а внутри ее дивный лик светицце. И така там красавица, что ни в сказке сказать, ни пером описать, а глазом увидеть, ухом услышать, сердцем полюбить.

«Ну, - говорит дед, - теперь я первейший богач. За эдаки жемчужины в Питере мне миллион отвалище». Подумал маленько дед. А семужина на него глядит, приказов ожидат. Напыжился дед и велит: «Жалаю я на энтой раскрасавице женище. Сыщешь ли ты ее, матушка-семга?» «Дурак ты, дурак старой, - та в сердцах отвечает. - Да это же царица нашего царства подводна».

Нырнула семга - и с той поры дед ее не видал. Приплелся домой, достал жестянку, где свои бесценны жемчужины хранил, да туда ж и саму красиву упрятал. Среди ночи проснулся - захотелось дивным ликом подводной царицы полюбовацца. Сполз с печки, открыл коробку, глянул - да обмер. Кажинна жемчужина расколота на меленьки крошечки, и среди крошечков кажинной жемчужины по дробине лежит.

Поохал дед, поохал, да куды денессе? Опять на печку заполз. Спит он и кажинну ночь все один и тот же сон видит: саму красиву на всем белом свете жемчужину и в ней в голубом огне лик прекрасной подводной царицы».

Девушки в поморских костюмах, расшитых жемчугом. Кола. 1915 г. Из фондов МОКМ.

Наш-то поскатнее

Казалось бы, что такое жемчуг. Соринка, попавшая в раковину и обернутая слоями перламутра. Но здесь, на Севере он был самым «народным», самым любимым драгоценным камнем. Об искусстве шитья жемчугом многое могли бы рассказать наши прабабки.

Без жемчужных украшений не обходилось в Поморье ни одно гулянье, ни одно торжество, ни одна свадьба. И без песен с упоминанием жемчуга - тоже. И не какого-то там заморского - своего, речного.

Неукрасистые слова

Для всего, что связано с жемчугом, были в наших краях особые, почти забытые ныне прозвища. К примеру, лучшую жемчужину величали «первономерной». Саму раковину именовали «раковицей» или «разинькой»: «Потому ее разинькой зовут, что она на две створки и будто рот разинула». Считалось, что в самых неказистых раковинах больше шансов найти добычу: «Котора раковина страшней, в той жемчуг скрывается, она неукрасиста раковина». И сколько же красоты и очарования в этих безыскусных, «неукрасистых» словах.

Остались нам от предков и жемчужные названия на карте Мурманской области: Жемчужный наволок на реке Варзуге, Жемчужное плесо на реке Умбе выше Канозерского порога, Большая и Малая Жемчужные губки в Шараповой губе Кандалакшского залива, Жемчужный ручей, что впадает в Тик-губу озера Екостровская Имандра, станция Жемчужная к югу от Кандалакши.

Все это невещественные следы утраченного ныне жемчужного великолепия. Пройдемся же вместе по студеным рекам и ручьям, по тихим отмелям и быстрым перекатам, заглянем в прошлое и вспомним, каким был когда-то жемчужный промысел на Кольском Севере.

2. Перлы земли полунощной немалы и хороши, и чисты...

Когда начался в Кольском крае жемчужный промысел, кто первым обнаружил внутри поднятых из воды раковин драгоценные горошины - неизвестно. Ясно только, что было это много веков назад. Издревле добывали жемчуг кочевавшие здесь лопари. А потом на Север двинулись новгородцы. Передовщиками, первопроходцами этого движения часто выступали отряды сборщиков дани, ватаги ушкуйников.

Не меньше упомянутых в стихотворении фольклориста, этнографа Натальи Колпаковой рыбы и мехов Господин Великий Новгород жаждал перлов, промышленяемых в земле полунощной. Даже столетия спустя после утраты им державного статуса весь северный жемчуг все еще именовался новгородским. «Новгородские «жемчуга немалы и хороши, и чисты», они добывались «у государя нашего в земле, на Двине, на Колмогорах и в Великом Новгороде в реках», - сообщал, цитируя Карамзина, археолог, историк Павел Савваитов в работе 1896 года. «С Двинской земли, с берегов рр. Варзуги и Поноя получался так называемый новгородский жемчуг», - отмечал в 1919 году исследователь Русского Севера Александр Кизеветтер.

Не слова - музыка!

После перехода Мурманна под власть Москвы интерес к добываемым в здешних местах жемчужным сокровищам нисколько не угас. Скорее наоборот. Сборщики дани, даньщики, проникали ради них в самые дальние уголки Заполярья.

«Да у тех жо, государь, датцких немец приездной городок Варгав (ныне Варде в Норвегии. - Д. Е.) на волоке стоит на море на острове, и мимо, государь, тот свой городок не пропускают те немцы твоих государевых всяких людей в судех в малых и в лодьях на Теную реку (река Тана на границе Норвегии и Финляндии. - Д. Е.) промышляти, - жаловался в 1559-м Ивану Грозному государев данщик Ефим Онисимов. - А та, государь, Теная река твоя государева отчина, а той, государь, реки Теной устия впало в моря за их городок за Варгав. А в той, государь, реке рыбная ловля и жемчуг... Вели, государь, пропускати своих государевых людей мимо их городок Варгав в судех и в лодьях з запасом на Теную реку промышляти, рыбу ловити и жемчугу копати».

И не знаешь, чему больше удивляться: тому, что заграничные теперь места именуются в этой челобитной «государевой отчиной», или тому, сколько поэзии во вроде бы сухом, казенном документе. «Рыбу ловити и жемчугу копати...» Не слова - музыка!

Десятина

Насколько важен был для государства северный жемчуг, можно судить и по тому, что в местах его промысла появился особый налог - жемчужная десятина. Во второй половине XVI века, когда на территории нашего края был создан Кольский уезд, административным центром которого стал Кольский острог (Кола), сбор этой десятины - уже вполне устоявшаяся практика.

Упоминается она в 1563 году в одном из ранних описаний Керети. В 1573-1574-м писец Василий Агалин со товарищи свидетельствует, что после опричного разорения Варзуги отрядом Басарги Леонтьева «государева таможенная пошлина и жемчужная десятина залегла», то есть не собирается.

Еще годом позже Агалин подробно рассказывает о том, как взимается этот налог, поясняя, что «в Керети ж в реке тутошние жильцы и приезжие люди промышляют жемчуг, а являютца (то есть получают разрешение на промысел, уплачивая специальную подать. - Д. Е.) у Керецкого данщика, а емлют у него печати, а с тое их жемчужные добычи идет на государя царя и великого князя десятое зерно лутчее, сколько хто добудет, а збирает жемчуг на государя царя и великого князя Керецкой данщик и отвозит к Москве и отдает в государеву казну з данными деньгами вместе ежегодно безпереводно».

По такому же пути пошли в своих владениях и северные монашеские обители. «Да которые люди на жемчуг ходят и с тех имати на монастырь десятое», - указано в Уставной грамоте Соловецкого монастыря крестьянам Умбской волости от 28 мая 1591 года.

Относительно объемов добычи можно с уверенностью утверждать, что жемчуга добывалось немало, - иначе не имело бы смысла облагать промысел налогом. Но все же, по-видимому, жемчужный «улов» был нестабильным. Он зависел от капризов климата (в дождливые годы при высокой воде добыча не велась), от социально-экономической

ситуации (после Басаргина правеха варзужане на какое-то время ловлю перлов забросили).

Больше, чем в Европе

Интересно, что в одной из сказок, записанных писателем Вячеславом Опариним со слов керетского жемчуголова Василия Келеваева, говорится о том, что речной жемчуг исчез. Темный Вихорь - «богатырь страховидный... весь из ветру да изо льда, темный да косматый» заточил в скалу жемчужную королеву. «Оттого много лет в наших реках жемчугу не водится». Главный герой - Иванко-малец - победил Вихоря и освободил королеву. «С тех пор снова в наших реках стал жемчуг водиться». Может быть, в основу сюжета этой сказки легли случившиеся когда-то «погодные» или связанные с иными причинами перепады в жемчужной добыче.

В то же время неустойчивость промысла накладывалась на чрезвычайно высокие потребности. В допетровской России использовалось огромное количество жемчуга. Он был самым распространенным и любимым украшением. Его носили все - от крестьян до царей. Великое множество перлов шло на отделку предметов церковного обихода, одежды и обуви.

Жак Маржерет - иноземный офицер, поступивший в начале XVII столетия на русскую службу, записал, что видел в казне царские наряды, сплошь расшитые жемчугом, а также «платья, покрытые жемчужной вышивкой на фут, на полфута, на четыре пальца». Поразили его и полдюжины царских покрывал, вышитых жемчугом полностью.

«Жемчуг в России употреблялся более, нежели во всей Европе», - констатировал участник шведского посольства 1674 года в Москву Иоганн Филипп Кильбургер.

Жемчужный импорт

В общем, жемчуг был повсюду. Крупный считали зернами, а мелкий золотниками - весом! И требовалось его не просто много, а очень много. Неудивительно, что северный промысел не мог удовлетворить столь высокий спрос, и большое количество жемчуга поставлялось из-за рубежа. В основном опять-таки северным путем.

В 1557 году английский мореплаватель, агент Московской компании Стивен Барроу, добравшись до бухты у мыса Кегор на полуострове Рыбачий, обнаружил там норвежцев и голландцев, ведущих оживленный торг с карелами, лопарями и русскими. По словам Барроу, «уполномоченный русского царя, бывший здесь для сбора дани», пригласил его в свой шатер и хорошо угостил. «Я спросил его, - вспоминал впоследствии англичанин, - какие товары нам лучше всего было бы привезти сюда, на что он ответил: серебро, жемчуг, сукно - синее, красное и зеленое, муку, крепкое вино, оловянную посуду, лисьи шкурки и золото».

Со временем жемчужный импорт набрал обороты. Только в навигацию 1604 года в Архангельск, ставший к тому моменту центром русской торговли на Севере, завезли жемчуга на сумму 26393 рубля. Причем лишь небольшая часть его - на 2359 рублей принадлежала Московской компании, а все остальное доставили голландцы.

Так продолжалось и далее. В «Реестре немецким товарам, которые в 1671 г. привезены в Архангельск морем», названы «6846 золотников жемчуга; 133 маса того же в 7 коробках; 4419 крупного жемчуга». В росписи 1672 года упомянуты «2000 штук крупного жемчуга».

В 1673-м на 33 кораблях прибыло «26 фунтов, 22 золотника, 21 кисть или бунтик и 2 дюжины жемчуга», а также «19 шнурков и 420 штук крупного жемчуга». Затем на 14 кораблях из Голландии - «337 штук крупного жемчуга, 59 бунтиков жемчуга» и еще на двух голландских кораблях - 206 золотников жемчуга, 3 кисти, или кустика, крупного жемчуга. Эти далеко не полные данные все же позволяют представить, сколь значительны были в Московском царстве объемы жемчужной торговли.

220 зерен в год

Свой вклад в добычу перлов продолжал вносить и Кольский полуостров. На протяжении XVII века жемчужный промысел оставался в нашем крае отдельной статьёй дохода местных жителей, достаточно солидной, чтобы облагать его налогом в числе других - самых важных. «Да на реке ж Коле и на Туломе промышляют тутошние жильцы и прихожие люди жемчюг, - сообщается в писцовой книге Алая Михалкова 1608-1611 годов, - а с их промыслу идет в государеву казну десятое зерно лутчее, а емлют у них то десятое кольские таможенные целовальники и отдают в государеву казну в Коле государевым приказным людям».

Отмечены в книге и другие места, где извлекали из раковин драгоценные зерна: «Да в тех же реках в Уре ж большой да в Лице в большой колена и иногородцы промышляют жемчуг, а являются в Коле таможенным целовальником и у тех колян и у иногородцев с того их промыслу Кольского острогу таможенные целовальники емлют в государеву казну десятое зерно лутчее».

Жемчужный промысел охватывал в ту пору весь Кольский уезд - с севера до юга. В приходе-расходной книге Нижегородской чети (четвертного приказа - центрального госучреждения, обладавшего финансовыми и административно-судебными правами на определенной территории страны. - Д. Е.) 1614-1615 годов указано: «С варзужан... жемчюгу, что они сбирали, десятого 22 жемчюжины». То есть общий объем годовой добычи в Варзуге можно оценить в 220 жемчужных зерен.

Кольский острог. Геррит де Фер. Из книги Плавания Баренца.

Налоговая бессонница

В приходной книге Новгородской четверти за 1619-1620 годы названы и имена жемчугопромышленников - варзужане Ивашко Карбачев и Ондрюшка Крячков. С них взяли «семь зеренок жемчужных весом (ценой. - Д. Е.) две деньги, двадцать восемь вставочек весом одиннадцать денег, девятнадцать зеренок же весом алтын, да вставочек и буторин пятнадцать весом шесть денег» десятины. Отмечена в документах и Кандалакша, где в 1628-м собрали десятины «5 вставочек да 7 зерняток жемчужных».

Далеко не всегда десятинный сбор платили охотно. Слоган «заплати налоги и спи спокойно» был актуален уже в те времена. В 1655 году крестьянин Ковдской волости Андрей Демидов, видимо, немало поспособствовал бессоннице кандалакшан Федора Вайко и Артемия Филиппова и кольского стрельца Агафона Ильина, донесся об учиненном ими беззаконии.

Выяснилось, что оные, как их величают в архивных документах, Федька, Артюшка и Агафонко, промышляя жемчуг на реке Улите, впадающей в Тулому, «добыли зерно весом старых денег в алтын, а нынешних денег будет в девять денег» и с ним еще четыре зерна поменьше и вставку. Все перлы они «продали в Кольском остроге, не явя в таможене, москвитину, гостиной сотни торговому человеку Петру Антипину».

Расследовавший этот случай кольский воевода Иван Соловцов, подчеркивая нанесенный казне ущерб, пояснял, что злоумышленники «государевой десятины и

пошлины не платили». В итоге недоплаченное было возмещено виновными с лихвой, а всем местным жемчугопромышленникам учинили «крепкий заказ», который сводился к злободневному и ныне требованию не уклоняться от уплаты налогов. Лучшее же из драгоценной добычи - «зерна большие и чистые» - велено было «по прямой цене имать на государя и присылать к Москве».

Стреляли и толкли в порошок

Самый богатый жемчужный улов давала тогда Варзуга, перешедшая в вотчинное владение крупных монастырей и Патриаршего дома. Варзужские перлы были разной величины и формы: зерна, буторины, плашки, вставки, наконечники. «Собрано на жемчужных промышленниках десятинного выделного жемчугу, - отмечено в приходной книге Патриаршего дворцового приказа за 1640-1641 годы, - всяких зерен нарочетых и средних и малых шеснатцать, да вставок всяких нарочитых, и средних, и малых семнатцать, да наконечник. Весу в них во всех два алтына полтрети денги. Да наконечниченки, да вставченко шероховаты, весу в них полтрети денги».

В 1658-м, в переписной книге домово́й казны патриарха Никона упомянуто «жемчюгу всякаго двадцать восемь зерен крупнаго и мелкого, не алмазного (неочищенного, нешлифованного - Д. Е.), Варзуского, збору 163 и 164 и 165 годов (то есть собранного с 1655-го по 1658 год. Д. Е.), весу в том жемчюгу золотник».

«Бунташный» XVII век порой закручивал сюжеты, которые сегодня трудно вообразить. В 1611 году, захватив Кремль, поляки развлекались, стреляя крупными жемчужинами из мушкетов, а в 1648-м во время Соляного бунта его участники срывали драгоценные камни и жемчуг с окладов икон, толкли их в порошок и бросали в окно с криком: «Это наша кровь».

И детектив об этом

Еще одна, почти детективная история связана с поиском на Кольском полуострове драгоценных металлов. Крестьяне из Умбы, где находилась в ту пору вотчина Кирилло-Белозерского монастыря, обнаружили неподалеку от селения - на беломорском острове Медвежий - серебряные самородки. Они стали продавать их в Холмогорах и уплачивать ими долги. Место добычи держали в тайне от правительства, которое направило на поиски серебра несколько безрезультатных экспедиций.

В 1671 году в ходе этих розысков, говоря современным языком, вышли на бывшего строителя (то есть монаха, исполнявшего особые хозяйственные обязанности. - Д. Е.) Кирилло-Белозерской обители старца Ефрема Потемкина. Будучи допрошен, он показал, что посылал в Умбу своего слугу Потапа Ирева.

Что писал слуга о серебре, Потемкин «не упомянет», но зато «он же, Потап, прислал к нему в монастырь образец жемчюгу крупного, который добывают в той же вотчине Унбе, и

тот де жемчюг он, Ефрем, показывал на Москве строителю московские службы старцу Корнилию, потому что преж сего у моря... бывал он многие годы и про жемчюжную ловлю ведает. И строитель де Корнилей сказал ему, Ефрему, что в Унбе промысл такой жемчюжной есть, и он подлинно ведает».

Вот так, попутно, столичные чиновники заново открыли для себя еще одно место жемчугодобычи на Кольском Севере. Близилось XVIII столетие, когда государство предприняло попытку резко изменить взаимоотношения с ловцами жемчуга. Но об этом - позже.

Вид города Колы с северо-восточной стороны. Рис. конца XVIII в. Фото из фондов РГВИА.

3. Государственный плод

Начало XVIII столетия Россия встретила громом ружей и пушек, сменой календаря и бритьем бород. Северная война и преобразования практически во всех сферах жизни вели к огромным тратам. Пытаясь их восполнить, государство искало новые источники дохода и порой прибегало к неординарным мерам. Некоторые из них касались добычи жемчуга.

Кто больше даст

Издревле лов перлов вели заполярные монастыри. Остро нуждаясь в деньгах, царское правительство стало отдавать этот и другие промыслы на откуп частным лицам. Заплатив в казну больший по сравнению с соперниками взнос, откупщики получали право пользоваться теми или иными природными богатствами по своему усмотрению. И пользовались, не гнушаясь для получения вождеденной прибыли самыми хищническими методами хозяйствования.

В челобитной, поданной в 1704 году на имя Петра I, боярский сын Михаил Окулов, перечисляя промыслы Печенгского монастыря, особо отмечал, что «в тех де их монастырских угодьях тутошние кольские жители на тех их реках под порогами промышляют жемчюг». То же касалось и Кандалакшской обители, в чьих владениях лов жемчуга вели «при том монастыре стоящие волостные крестьяне».

Окулов просил царя отдать промыслы в его ведение, подчеркивая, что с них «в нашу великого государя казну никакой прибыли нет и теряетца оковидная прибыль за дальностью напрасно». В ответном указе боярскому сыну было велено «ехать в Колской

острог и на Мурманской берег и в уезды... и в которых местех и кто жемчугом промышлял, и тех, на ково он, Михайло, укажет, в том жемчужном промыслу допросить, по сколку они в тех местах жемчюгу промышляли и кому ево объявляли ль, и где девали».

Добычу перлов и другие монастырские промыслы Окулову предписывалось отдать претендентам «с торгу, кто больше даст». А если желающих не найдется - управлять ими «по своему рассмотрению, как лутче и прибылняя». Так драгоценный улов оказался в руках откупщиков.

В 1706 году Окулова, как «не учинившего» казне прибыли, от заведывания промыслами отстранили, передав их боярскому сыну Ивану Стафурову и двинскому выборному голове Федору Привалову, велев в том числе «на реках жемчюг... промышлять на великого государя по-прежнему».

Откупная система быстро привела монастырские промыслы в упадок, и спустя непродолжительное время от нее было решено отказаться. Но она стала предвестницей дальнейших изменений в отношениях между государством и добытчиками жемчуга.

Смотреть за ловцами накрепко

Характерный пример жемчужного лова тех времен приведен в «Книге записной колских морских рыбных промыслов промышленника холмогорца Ивана Губина». В 1710 году артель холмогорцев промышляла рыбу на Мурмане. Наряду с главным делом - рыбодобычей - четырех человек во главе с кольским стрельцом Калиной Подужемцем в качестве своего рода приработка отпустили на поиски жемчуга. В августе они вернулись с промысла, сумев достать из рек и ручьев «дватцать пять зернышков больших и малых, да мелково жемчюга пол золотника (золотник равен 4,26 грамма - Д. Е.)». Улов был оценен в два рубля восемь гривен, но заплатили добытчикам всего половину, а сами перлы взяли «в казну великого государя».

Чем дальше, тем больше государство пыталось поставить жемчужный промысел под полный контроль. Результатом этого стала целая серия законодательных актов. После указов 1715-1716 годов, касавшихся Казанской, Сибирской и Санкт-Петербургской губерний, дело дошло и до Кольского Севера. В 1719-м только что созданная Берг-коллегия получила известие, что в Варзуге и других реках Кольского края ведется драгоценный промысел. Обнаружилось, что «наибольше тот жемчуг ловят Печенгского монастыря и прочих деревень охотники-крестьяне», а их добыча величиной и чистотой превосходит взятое в водоемах других частей страны - «покупается одно зерно немалою ценою».

Чиновники тут же предписали архангельскому вице-губернатору ввести на Кольском полуострове новые правила жемчужного промысла. Отныне им можно было заниматься исключительно под надзором «добрых и искусных и знающих к тому делу людей чистой

совести» благородного происхождения, которым вменялось в обязанность «смотреть за ловцами накрепко». Определять «чистоту совести» назначили вице-губернатора.

«Сколько оные промышленники жемчугу изловят, - поясняла Берг-коллегия, - то бы без утайки объявляли б оным надзирателям, а им, надзирателям, оной жемчуг, оценивая посторонними знающими людьми, записывать в книги и платить за оной деньги... без всякие обиды и волокиты, чтоб тех жемчужных ловцов от такой их охоты не лишить и чтоб из того мог произойти государственный плод и прибыль».

Без указа не добывать

Однако ни государственный плод, ни тем паче прибыль от чиновничьих распоряжений происходить не спешили. Размеры поступления жемчуга в казну никак не желали соответствовать планам поднявшего Россию на дыбы самодержца. В 1721 году новый порядок ловли перлов был доработан и распространен на Новгородский, Ржевский и Торопецкий уезды.

Государство, говоря современным языком, окончательно закрепляло за собой роль монополиста на жемчужном рынке. Обывателям, «кто б какого звания ни был», категорически запрещалось добывать жемчуг «без указа» - особого разрешения. Следить за тем, чтобы жемчугодобыча проходила правильно, должны были специально назначенные люди «из офицеров или из дворян», приведенные перед тем к присяге, текст которой гласил: «Я обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом и Святым Его Евангелием, что понеже мне указом его царского величества всемилостивейшего моего царя и государя, от государственной Берг-коллегии, в жемчужной ловле поверено, и я к такому делу учрежден; того ради хочу и обещаюсь быть его царскому величеству в том врученном мне деле верен и справедлив, и все к высокому его величества самодержавству, власти и силе принадлежащие права, по крайнему моему разуму и возможности остерегать...»

Сроки жемчужной «путины» определялись с июля по сентябрь. Под угрозой штрафа воспрещалось вынимать раковины, не пришедшие «в совершение своего состояния». Дабы никто не дерзал искать перлы незаконно, к рекам «в надлежащих местах» приставили караул из крестьян. Не только весь вновь выловленный, но и весь добытый ранее и имеющийся на руках у населения жемчуг предписывалось выкупить «на государя».

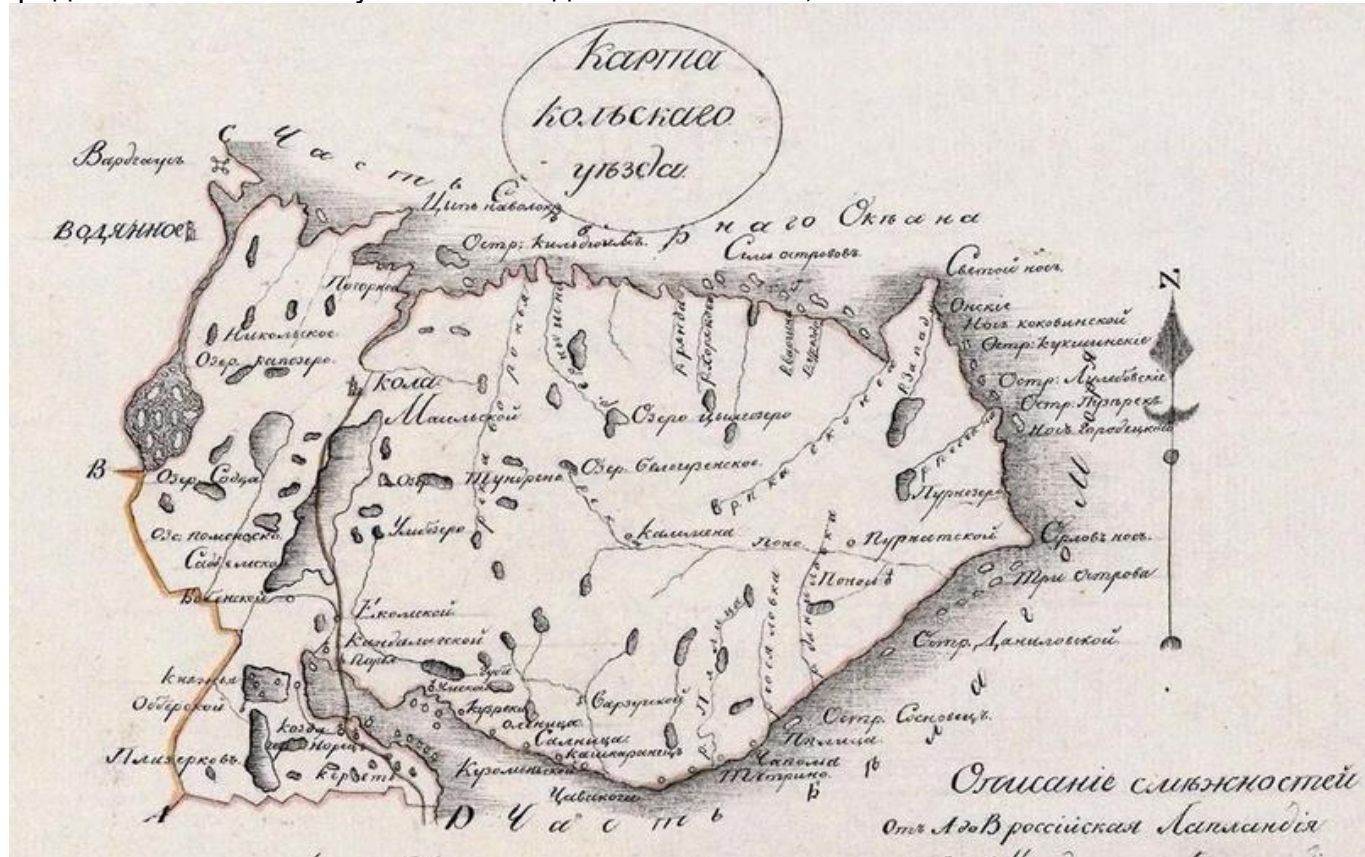
Убытки вместо прибыли

Тогда же Берг-коллегия запросила у Святейшего Синода сведения о том, сколько жемчуга, выловленного в Варзужской волости, с 1700 года куплено «или взято с оного десятой доли в Монастырский приказ, и на каком основании та жемчужная ловля... определена, на откуп или другим рядом обходится». Получается, что вводя жесточайший надзор за жемчугодобычей, чиновники не имели даже самых общих сведений о ее состоянии в одном из главных районов жемчужного промысла страны.

И, несмотря на неоднократные напоминания Святейшему Синоду, не получили их и в дальнейшем. Не сработал даже «железный» довод о том, что Берг-коллегии о «жемчужной ловле в Варзунской волости велено учинить определение» наподобие уже опубликованного ранее для Новгорода, Ржева и Торопца. Но хотя в итоге указа по этому поводу так и не появилось, по факту правила, установленные для Кольского Севера в 1719-м, не сильно от него отличались.

Казалось, теперь-то драгоценные зерна широким потоком польются в державные закрома, только потирай руки и подсчитывай прибыль. Но, как выяснилось впоследствии, не тут-то было. В 1732 году обнаружилось, что за предыдущее десятилетие в Берг-коллегию поступило 4936 жемчужин «наибольше синего и темного вида» общей стоимостью 87 рублей, а потрачено на организацию их добычи 229 рублей, то есть «не токмо какой прибыли, но и за употребленную на то сумму оного не получено».

В общем, система тотального контроля себя не оправдала. Осмыслив столь обескураживающие итоги обещавшей вроде бы невиданные барыши жемчужной политики, государственные мужи крепко задумались. Выход подсказала Коммерц-коллегия, предложив «в той жемчужной ловле дать позволение, кто похочет».

Места жемчужного промысла были разбросаны по всему Кольскому полуострову.

Не меньше воробьиного яйца

18 марта 1736 года вышел указ Сената, разрешающий свободный промысел жемчуга. Отныне ловцы драгоценных зерен вновь могли «ловить жемчуг в реках и в озерах, в чьих бы оные дачах не были, невозбранно». Лучшие жемчужины предлагалось «без всякой утайки» сдавать властям за «награждение», а прочие - употреблять «на свои

нужды и на продажу». Круг замкнулся. По сути дела все вернулось к проверенным временем допетровским методам, когда промышленник отдавал часть добытого государству, а остальным мог распоряжаться по своему усмотрению.

В 1764 году Екатерина II высочайше утвердила доклад Сената «Об оставлении жемчужной ловли в вольном промысле...» В 1766-м появился ее указ, еще раз подтвердивший свободу добычи жемчуга и одновременно отметивший, что с 1736 года «был ли где оному лов - неизвестно». К указу прилагалось наставление, в котором пояснялось, что промышлять перлы следует с середины июля до середины августа, «объявлять» официальным лицам только самый крупный улов - «величиною не меньше воробьиного яйца», и содержался призыв беречь «в реках некоторые места с раковинами... чтоб раковин не убывало». Насколько он оказался действенным - неизвестно.

Время от времени власти продолжали отслеживать положение дел в жемчугодобыче. В том числе и в нашем крае. В 1786 году кольский исправник Фаддей Шестаков сообщал генерал-губернатору Архангельской и Олонецкой губерний Тимофею Тутолмину, что в Кольской округе жемчуг встречается в раковинах редко и «по большей части черной, негодной да плашки и мелкой, а зерн больших в прежние годы бывало в промысле и в продаже... в осьмину по 1 рублю по 50 копеек, а в четверть золотника - по 10 рублей».

Неоднозначные результаты

В 1789-м было проведено полное обследование жемчужных промыслов Кольского Севера. Поскольку, по мнению архангельского наместника генерал-поручика Ивана Ливена, вполне могло статься, что «крестьяне... будут иметь в том заpiresательство», то есть скрывать нужные сведения, для прояснения ситуации в окрестные селения направили не гражданских лиц, а военнотружущих Кольской штатной команды. Помимо получения необходимых данных они должны были привезти высокому начальству образцы раковин с жемчугом, «на случай нужды отобранные от тамошних крестьян». Результаты экспедиции, предпринятой в начале короткого северного лета, оказались неоднозначными.

Комендант Колы полковник Ернер доложил, что «по распроедывании» у колян в некоторых реках имеются жемчугоносные раковины. Но «по точному... в 1782 году испытанию в Коле реке и в реке Лице, лежащей в Мотовской части», добыча оказалась мелкой и никуда не годной.

Жители Умбы заявили, что «от селения в расстоянии вверх по течению в 60 верстах имеются жемчужные раковины, которых для промысла нашей волости жители прежде сего и ходили, но, однако, в улове бывала самая малая часть, в доброту одной жемчуг состоял некрупной, но самой мелкой, светлой, а по большей части что и красной».

В Керети поведали, что жемчуга добывают в год на 10 рублей, причем в дождливое лето, когда вода в реке мутнеет, раковин не достают. В Варзуге рассказали, что промышляют в 67 верстах от села «когда вода бывает которой год в реке сухая... а которая година бывает водяная, тогда промысел не происходит». Перлы встречаются по большей части мелкие и совсем негодные, но порой «на счастливого попадает чистое и скатное ценою в пять рублей, иное в два рубли и в десять копеек жемчужина».

Кандалакшане объявили, что «по слуху от дедов и отцов своих в здешних дачах, в реках Колвице и Лупче по течению рек по некоторым местам есть раковины» и, «на сие льстясь», они «неоднократно тоже по рекам ходили», но «труд полезен никогда не бывал... ни в одной жемчуга не было». В Княжой губе и Кузрееке известили, что жемчуга близ селений не находят. В Ковде, что о добыче жемчуга ничего не знают «и слуха нет ни от кого при жизни».

Полученные данные раз за разом подтверждали неустойчивость жемчужного промысла, его зависимость от капризов погоды и в целом невозможность получения с него в казну более или менее стабильного дохода. А потому губернское и иное высшее начальство принимало полученную информацию к сведению, но и только. Каких-то перемен это за собой не влекло. Установить запрет на свободную добычу жемчуга власти больше не пытались.

4. Дедовские методы

Однажды интерес к истории жемчужного промысла сподвиг меня на рискованный эксперимент. Выступив в роли исследователя-фанатика, который любую изобретенную гадость испытывает прежде всего на себе, я решил в натуре познать, каково приходилось добытчикам перлов земли Кольской. И попытался понырять, поискать раковины жемчужниц.

Ихтиандра из меня не вышло

Дело было во второй половине лета на реке Варзуге. То есть условия были соблюдены - именно в это время и почти в этом самом месте искатели драгоценных зерен поднимали с речного дна свой улов. Но хотя погода была теплой, а вода - вполне приемлемой температуры, хватило меня ненадолго.

Уже минут через пятнадцать я понял, что эксперимент мной провален и на роль Ихтиандра не гожусь. И вынужден был, стуча зубами от холода, задыхаясь и хватая воздух, как рыба, ртом, переместиться в более привычную среду обитания - на берег. Где был нещадно искусан местными комарами. Видимо, они опознали во мне наглеца, покусившегося на охраняемые ими природные богатства, и решили устроить кровную месть. Выдвинув столь очевидную рабочую гипотезу, я быстренько спасся бегством. А добравшись до ближайшего закрытого помещения, впервые всерьез задумался о том, каково это было - добывать речной жемчуг. И о том, каким именно образом его добывали.

Акробатический этюд

Начнем с наименее сложного. В самых неглубоких местах жемчужницы собирали руками. «Никаких приспособлений и особых снастей для высматривания и добывания со дна раковин ни у кого из местных жителей-ловцов не имеется, - сообщали в 1894 году «Олонецкие губернские ведомости». - Высматривают простым, невооруженным глазом; извлекают из-под воды самым первобытным способом: на мелкой воде рукою, на более глубокой - ковшом.

Отсутствие приспособлений для ловли жемчуга ведет, во-первых, к тому, что раковины местными жителями добываются лишь на глубине, не превышающей роста человека, а во-вторых, само собою понятно, отражается на количестве ловли. Где могли бы, имея под рукой все необходимые снасти, приобрести жемчуга на 1000 р., приобретают без них на три или четыре сотни, затрачивая притом на отыскание и ловлю более времени, более труда».

А вот еще одна разновидность того же метода. «Промышленники, - указывалось в «Памятной книжке Архангельской губернии на 1912 год», - прежде всего отыскивали маленькие бороздки на дне, оставленные раковиною и, следя за ними, добивались до того места, где раковина останавливалась, и брали ее из песку; в глубоких местах приходилось бродить иногда по самое горло; в этих случаях промышленники, почувствовав под ногою раковину, схватывали ее пальцами ног за острую сторону и таким образом поднимали ее из воды».

Продолжая рубрику «испытано на себе», замечу, что доставать раковины пальцами ног я тоже пробовал. Правда, не на Севере, а в средней полосе России - на Оке. И убедился в том, что тут нужны почти цирковые ловкость и сноровка. Попробуйте сами исполнить сей акробатический этюд: приподнять раковину, удерживая ее пальцами ног и частью ступни, и вы поймете, о чем я. Правда, этот эксперимент оказался более удачным - после некоторой тренировки у меня получилось. Однако сомневаюсь, что таким образом можно добыть более или менее значительное количество раковин. Что, учитывая нахождение жемчуга далеко не в каждой из них, сводило улов к минимуму.

Лопский способ

Были, разумеется, и ныряльщики, которым я так безуспешно пытался уподобиться. Эту «технологию» добычи известный мурманский краевед Василий Алымов называл «лопской». Она использовалась саамами, жившими у рек Колы и Туломы, у озера Имандра. «Способ был простой, - писал Алымов в статье «Жемчужный промысел на Кольском полуострове», опубликованной в газете «Полярная правда» в 1935 году, - голый человек нырял на дно реки с мешком в руке, загребал другой рукой кучу раковин, клал в мешок и выныривал... На берегу раковины или вскрывались ножом или раскалывались камешком. Таким способом некоторые одиночки добывают жемчуг до сих пор».

Использовались также сачки, похожие на те, которыми ловят бабочек, но, конечно, куда более крепкие. Изготавливали их, привязывая к железному ободу длинную палку и приделывая сетку, после чего оставалось только провести сачком по дну реки или ручья и поднять наверх улов.

Некоторые промышленники доставали жемчужниц с помощью тонких прутиков. Эта практика основывалась на знании особенностей жизни моллюсков, а именно на том, что створки раковин на солнце раскрываются. Прутик опускали между створок, почувствовав прикосновение, раковина замыкалась и зажимала его. И держала столь крепко, что не составляло труда извлечь ее из воды. Главная сложность тут заключалась в том, чтобы на глубине при быстром течении воткнуть прутик точно в щель между створками. От неудачного прикосновения раковина закрывалась, и достать ее таким образом было уже невозможно.

Вынимают долгим шестиком

Это, как я уже упоминал, наименее затратные методики, не требующие никакой технической подготовки. Всего-то и надо, что не забыть взять с собой на промысел ковш, сачок или мешок для будущего улова. Или отломить веточку нужного размера. Но жемчужные раковины далеко не всегда находятся в местах, удобных для промысла. Что, если достать их, идя по воде или ныряя, невозможно? Как быть в этом случае?

Наши предки не сплеховали и здесь. Они придумали простые, но эффективные приспособления. Рассказ о них содержится уже в самом раннем известном нам описании жемчужного промысла на Мурмане. Оставил его великий Ломоносов. В 1745 году он пояснял, что «недалече от Кольского острога ловят жемчужные раковины, которых с берегу достать нельзя, следующим образом: на маленьких плотках опускаются вниз по речке, в которой вода очень светла и дно почти везде видно; и где жемчужную раковину увидят, тут вынимают долгим шестиком, на конце расщепленным, увязивши раковину острым краем в помянутый росщеп, который на шестике сделан». Добычу жемчуга русский гений наблюдал в юности, приехав с отцом в Колу. По предположению доктора исторических наук профессора Ивана Ушакова - на речке Лавне.

Этот способ был, пожалуй, самым распространенным и использовался вплоть до окончания массового жемчужного промысла в XX столетии. Имелись различные его варианты, например, лов могли вести не с плота, а с лодки. Иногда способы смешивали.

Добыча жемчуга в Северной Карелии. Вскрытие раковин. И. К. Инха. 1894 г.

На маленьком плоту

«Искатель жемчуга вооружается особым инструментом - четырехконечными небольшими вилами на палке, - рассказывал в 1913 году в очерке «За полуночным солнцем. По Лапландии пешком и на лодке» Сергей Дурылин. - Он едет в карбасе, пока позволит каменистое дно и течение, и смотрит в кристально-чистую воду. Заприметив раковину, он хватает ее четырехконечными вилами и кладет в карбас. Если течение реки слишком быстро, река порожиста, ехать на карбасе нельзя, - искатель в высоких кожаных сапогах идет по дну реки, придерживаясь рукою за выступы камней, и вылавливает раковины».

Слегка усовершенствованный со временем метод ловли раковин с плота описан в вышедших в 1849 году «Очерках Архангельской губернии». «Устраивают из бревен небольшой плот, в середине которого прорубают отверстие; в это отверстие вставляют трубу, так, чтобы большая часть ее входила в воду, - отмечал автор книги Василий Верещагин. - На такой плотик садится промышленник и внимательно смотрит на дно реки в трубу, между тем как помощник его тянет плот веревкою, идя тихонько по берегу.

Лишь только промышленник, сидящий на плотике, заметит в свою трубу, что раковины притаились у какого-нибудь подводного камня, тотчас дает знак своему товарищу, чтоб тот остановился; после этого он тотчас опускает в отверстие плота длинный шест, на конце которого приделан особого устройства крючок или тиски; направив шест на раковину, промышленник подхватывает ее этими тисками и вытаскивает на плот».

Для полноты картины добавим, что плоты обычно были длиной 2 сажени - четыре с небольшим метра - и шириной полтора-два аршина - примерно от одного до полутора метров по нашему счету. Они могли двигаться и самостоятельно - в этом случае ловец отталкивался от дна шестом с расщепом на конце, а в нужном месте бросал в воду вместо якоря привязанный к веревке камень.

Жемчужина в чашке

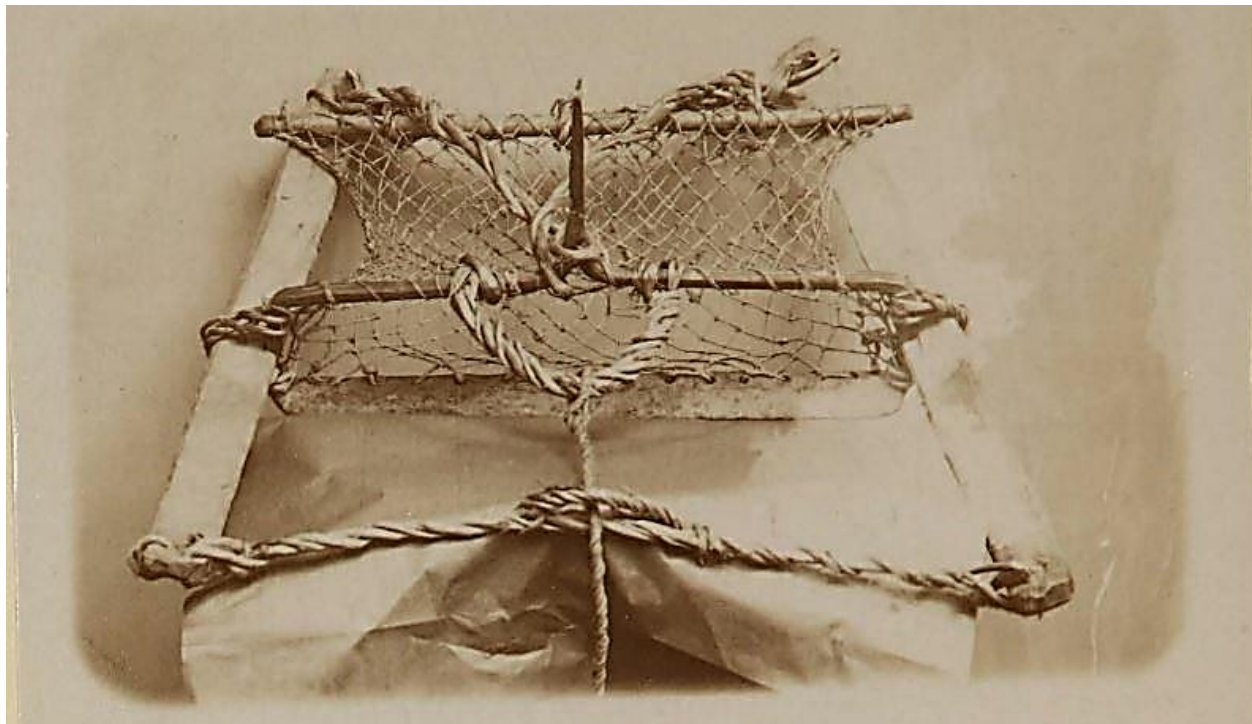
Расщепы, называемые также щипцами или щупальцами, употреблялись разных видов. Помимо самого простого, представлявшего собой расщепленную на конце палку, использовались малые и большие щупальца. У малых на конце шеста было прикреплено четырехзубное железное приспособление конической формы для ощупывания дна. По-видимому, именно малые щупальца Дурылин поименовал вилами.

Большие же в литературе начала позапрошлого века описаны так: «На крутой металлической плоскости воткнут как бы ряд тупых железных гвоздей длиной до 2-х вершков или даже больше. В верхней своей части эта плоскость с гвоздями прикреплена к круглой деревянной палке». Трубу же, именуемую также бездонным туесом и бураком, делали из бересты или еловой коры. Иногда для удобства верхнюю часть трубы обматывали холстом, набитым травой или мхом.

Наиболее экзотическая вариация ловли с плота зафиксирована в книге Натальи Колпаковой «Терский берег». «Достал я раковинку, - вспоминал в 1896 году один из добытчиков жемчуга варзужанин Гаврила. - Гляжу - не порожняя: жемчужина больша, никогда такой не видывал. Сижу на плоту, люблюсь, да вдруг и выронил в воду. Не знаю, как така беда случилась... Ох, кака досада взяла, чуть не заплакал. Погоди, думаю, пусть вода прояснеет, я те достану. Остановил плот, жду, - утихла вода взбаламученная, опять, однако, гладко, до дна видно. И лежит, вижу, на дне моя жемчужина. А как достать? Глубоко нырнешь, опять воду смутишь. И вот надоумил меня Бог: была у меня с дому чашечка чайна. Взял я ее, привязал за ручку к палке, опустил тихо, чтоб воды не смутить, да вместе с песком и вытащил... Хороша была жемчужина. Осенью ее тогда двинянам за восемьдесят рублей для иконы Богоматери продал».

Миниатюрный трал

Но вершиной дореволюционных технологий жемчугодобычи стал все-таки не плот со смотровой трубой и щупальцами, а орудие, сконструированное в последней четверти XIX столетия жителем Керети Николаем Келеваевым - отцом Василия Николаевича Келеваева, о котором шла речь в первом материале этого цикла. Келеваевский большой сак, как его называли по имени изобретателя, делался из железного продолговатого обруча длиной приблизительно от 35 до 55 сантиметров и шириной 18-20 сантиметров. Его сплющивали, чтобы получился прямоугольник, нижнюю часть которого делали плоской и острой наподобие ножа, чтобы с ее помощью можно было, идя по дну, срезать ракушки.

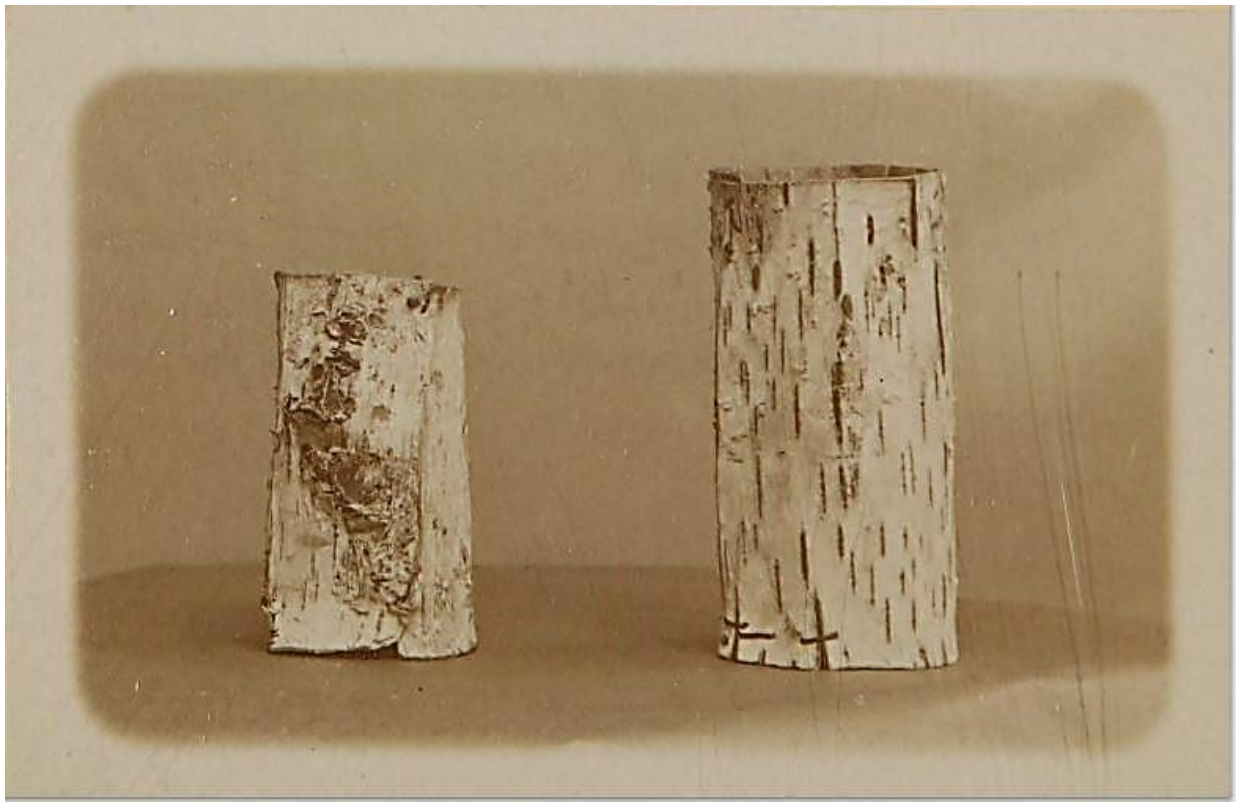
Келеваевский большой сак для добычи жемчуга. Фото из книги А. К. Хребтова «Положение жемчужной промышленности в России». 1897 г.

К нижней части крепился железный крюк с приделанным четырехметровым шестом и веревка, сзади - редкая сетка, пропускающая песок, камни и мелкие ракушки, но задерживающая крупные раковины. Для сетки делали распорки, придававшие ей вид мешка. С помощью еще пары веревок и петли сак обретал возможность плавного движения - его можно было волочить по дну, не допуская отклонений из стороны в сторону. Судя по всему, это устройство отдаленно напоминало миниатюрный трал.

«Один ловец идет по берегу и тянет за длинную веревку, - описывал способ ловли Келеваевским сакom исследователь жемчужного промысла на Севере Хребтов, - а другой, погрузив сак, придерживает его за длинный деревянный шест, чтобы он плотно прилегал ко дну, не пропуская под собой раковины; последний ловец, держащий шест, плавает на лодке и режет на плоту».

Исключения из правил

Келеваевский большой сак позволял добывать раковины нужного размера и в относительно большом количестве. Он стал для жемчужного промысла в нашем крае вершиной технического прогресса, однако большого распространения не получил. Хотя некоторые авторы того времени и наблюдали похожие орудия промысла не только в Керети, но и в других местах.

Берестяные трубки для добычи жемчуга. Фото из книги А. К. Хребтова «Положение жемчужной промышленности в России». 1897 г.

К примеру, Константин Случевский, сопровождавший великого князя Владимира Александровича в его поездке по Северу России в 1885 году, писал о некой «ракушнице» - деревянной раме, снабженной ножом, «с помощью которой сцарапывают ракушку с каменистого дна». А архангельский историк Николай Голубцов в 1912 году упоминал «железный сак в виде треугольника» с привязанной к нему нитяной сетью. Сак «пригнетали» ко дну и волокли по нему, собирая раковины.

Однако это были скорее исключения из правил. В основном ловцы северного жемчуга, унаследовавшие свои знания и умения от дедов-прадедов, предпочитали пусть и более простые, но проверенные временем методики. И только после революции, когда жемчужниц пытались добывать в промышленных масштабах, способы добычи кардинально изменились. Впрочем, эта тема заслуживает особого разговора.

5. Драгоценные портреты - удел немногих

Ни XIX столетие, ни начало XX века ничем особым для жемчужного промысла не отметились. Дело шло по накатанной колее. Не было ни колоритных сюжетов, наподобие стрельбы жемчужинами из мушкетов в годы Смуты, ни реформ Петра, поставивших добычу перлов под полный государственный контроль. Напротив, государство махнуло на драгоценный лов рукой и занялось более насущными проблемами. А добытчики заветных зерен вплоть до Октября 17-го руководствовались, по крайней мере, так считалось официально, узаконениями еще екатерининских времен.

Однако у очевидной невыразительности этих страниц жемчужной летописи нашего края есть и обратная сторона. Свидетельства, дошедшие до нас от той эпохи, гораздо более литературны и художественны, чем приводившиеся мной ранее. Что вовсе не удивительно, ибо некоторые из них оставлены талантливыми писателями. Они позволяют уже не только рассказать о самом промысле, но и дать хотя бы краткие дополнительные сведения о некоторых ловцах жемчуга, а порой и словесные портреты нарисовать.

Лишь для немногих лов драгоценных зерен становился тогда делом жизни и главной статьей доходов. В основном промышляли попутно, от случая к случаю. Всплески и спады, сопровождавшие жемчугодобычу в прежние времена, в XIX столетии тоже, что называется, имели место быть. В статье о жемчуге в словаре Брокгауза и Ефрона отмечено, что в 1860 году доходы от вывоза жемчуга из России оценивались в 181 520 рублей, а в 1870-м - только в 1 505 рублей.

Интересно, что, по многим свидетельствам, занимались исканием перлов по большей части лопари, финны и карелы, а поморы - не очень охотно, почти от скуки и безделья. Но уже в начале следующего века, убедившись, что драгоценный промысел может быть выгоден, все чаще вели его и они.

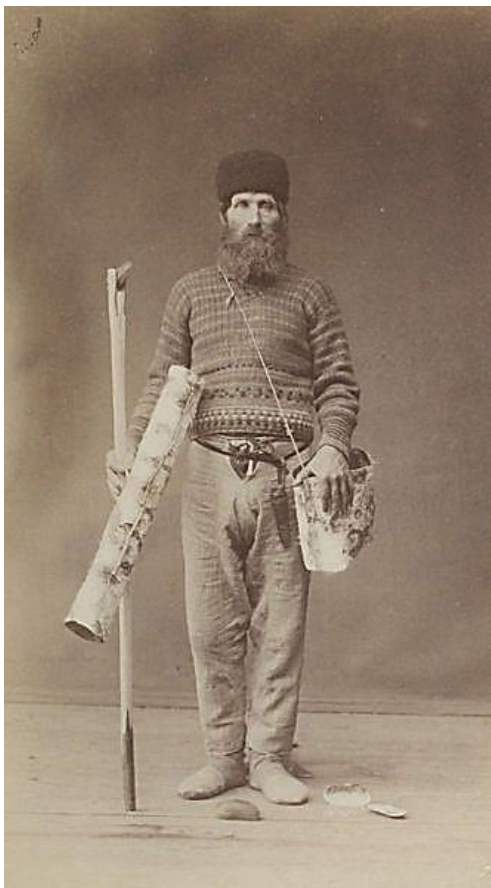
Дары от крестьянки и протопопши

Начнем с лопарей, которых, по меткому замечанию этнографа Николая Харузина, жемчуг если и не обогащал, то все же помогал им «вести свою скудную, лишенную роскоши и даже простых удобств жизнь». В ставшем классическим труде «Русские лопари» Харузин поясняет, что «в реках Коле, Туломе, Лице и некоторых других вылавливаются лопарями жемчужные раковины и жемчуг продается ими в Колу и Кемь. Вследствие до сих пор сохранившегося среди поморок обычая украшать свои головные уборы жемчугом и жемчужными нитками увешивать себе шею и, наконец, носить серьги из жемчуга - он всегда находит себе сбыт, хотя и не за дорогую цену, в Колу, Кемь, другие поморские города и дальше на юг».

В подтверждение слов известного этнографа о нитках, серьгах и других украшениях приведу примеры привесов - приношений, даров от прихожан в знак благодарности или обета - к почитаемой колянами иконе Тихвинской Божией Матери в Кольской Благовещенской церкви. Среди них было немало изделий из речного жемчуга. Так, в 1854 году у Тихвинского образа значились «убрус и цата (части оклада. - Д. Е.), высаженные из мелкого жемчуга... коего полагается примерно четыре золотника..., жемчужные двойные сережки..., три пары кошелев жемчужных» и другие изделия из местных северных перлов.

О появлении некоторых из них сообщалось в особой книге «прибывавших вещей»: в 1845 году - неизвестным лицом «повешено мелкого жемчугу шесть ниток», в 1847-м -

«повешена одна жемчужная нитка - неизвестно кем», в 1849-м - «кошельки жемчужные... от крестьянки Федосьи Чигориной, две пары кошельков жемчужных, одна ниточка жемчугу - от протопопши Поликиной», в 1850-м - у «Божией Матери на ручке убрус вынизан мелким жемчугом». Все это следы продолжавшегося на Кольском Севере жемчужного промысла.

Ловец жемчуга. 1887 г. Автор Я. И. Лейцингер.

«Имандра смеется»

В 1894 году кольские уездные власти информировали губернское руководство в Архангельске, что добычей жемчуга в уезде «специально... никто не занимается, а занимаются этим в свободное летнее время 3 лопаря Кольско-Лопарской волости, и то не каждый год... Ценность лова их зависит от счастья найти более ценную жемчужину - до 10 рублей, что случается редкий год, а более улавливают жемчуг низкого сорта». К донесению были приложены жемчужины, выловленные в реке Кице лопарем Семеном Голым.

В 1907-м на Кольском полуострове побывал Михаил Пришвин, описавший затем эту поездку в повести «За волшебным колобком». Есть там и «жемчужный» сюжет. Точнее - «жемчужно-лопарский». Цитирую.

«Мы едем все вместе. Двое гребут. Ветер слегка помогает. Лодка слегка покачивается. Передо мной на лавочке сидят женщины: старуха и дочь ее... Я замечаю на уборе девушки несколько жемчужин. Откуда они здесь? Приглядываюсь, трогаю пальцем.
- Жемчуг! Откуда у вас жемчуг?
- Набрала в ручье, - отвечает за нее отец. - У нас есть жемчужины по сто рублей штука.

- И платят?

- Нет, не платят, а только так говорят.

- Какой прекрасный жемчуг, - говорю я дочери Похиолы, - как вы его достаете?

Вместо ответа она достает из кармана грязную бумажку и подает.

Развертываю: несколько крупных жемчужин. Я их беру на ладонь, купаю в Имандре, завертываю в чистый листик из записной книжки и подаю обратно.

- Благодарю, хороший жемчуг.

- Не надо... тебе.

- Как!

Боязливо гляжу на старуху, но она важно и утвердительно кивает головой, Василий тоже одобряет. Я принимаю подарок и, выждав некоторое время, *vice pour service* (с французского - услуга за услугу. - Д. Е.) предлагаю девушке превосходную английскую дорожку-блесну. Девушка сияет, старуха опять важно кивает головой, Василий тоже, Имандра смеется».

Пройдоха и пьяница

Что касается финнов, наибольшую известность получил один из них, из числа переселившихся на Кольский полуостров после начала колонизации Мурманского берега. Звали его Матчикуго или, в ином варианте, Матшкуга. В 1874 году «Олонецкие губернские ведомости» извещали читателей: «Пишут из Колы, что... один из финнов, работников купца Базарного, некто Матчикуго, открыл во многих окрестных ручьях и реках местонахождение жемчужных раковин».

Окончательно прославил добычливого финна Василий Немирович-Данченко, рассказав о нем в книге «Страна холода», вышедшей в 1877 году. Матшкуга у Василия Ивановича - пройдоха и пьяница: «Матшкуга был уже пьян, а почтосодержатель сверх того дал ему бутылку водки... Матшкуга все продолжал прикладываться к бутылке до тех пор, пока совсем не опьянел... Наконец, я отнял ее от него, выбросил в воду, но было уже поздно. Финн, как сноп, свалился на дно лодки».

Упоминает Немирович-Данченко и о личной жизни финна:

«- Что ж, ты женат?

- Подруга есть, наша же из Улеборгской губернии. Она пастушкой тут. Для этого и пришла сюда, в Колу, а то бы там жила.

- Разве выгодно?

- Со всякой большой овцы получает по 10, с малой 5, а за корову по 60 к. в лето. Мы с ней ладно живем.

- Ладно! - вмешалась девушка. - Только дня нет, чтоб не передрались.

- Так... Что ж, это от любви, а у нас все согласие».

Вспоминая о поездке по реке Туломе у впадения в нее Вензина ручья, писатель приводит такой диалог:

«- Эта Венчина богатая, - заметил Матшкуга.

- А что?

- Земчугу много. Земчужных раковин здесь до пропасти. Я каждое лето хожу сюда искать их. В прошлые годы посредственнику рублей на десять продал».

Таков был этот финн-жемчугоискатель.

Чтоб сурьез был!

Из промышлявших в нашем крае карелов наибольшую известность в ту пору получили двое. Один из них - житель Керети Николай Миронович Келеваев - изобретатель келеваевского большого сака, о котором я уже рассказывал ранее. Интересно, что он не только совершенствовал орудия жемчугодобычи, но и, как рачительный хозяин, следил, чтобы ловля перлов не носила хищнический характер.

Очевидцы уверяли, что Келеваев «печется о сохранении раковин и, сознавая их вырождение, не позволяет ловить незрелые... разбирает и следит за внешними признаками, показывающими нахождение в раковине жемчуга». В книге Вячеслава Опарина «Жемчужное ожерелье» увековечены слова Келеваева: «Нету лучше ремесла, чем жемчуг добывать. И легшее, и почетней протчих... Да только... ремесло это особого человека требует. Чтоб в нем сурьез был... Опять же бессеребренником должен быть жемчуголов...».

Другой - Илья Осипович Кондратьев - крестьянин Тиктозерской волости, тоже проживавший в Керети, владевший многими секретами мастерства. «По показанию Кондратьева, - рапортовал в 1894 году вышестоящему начальству кемский уездный исправник, - самый лучший жемчуг вылавливается в реке Керети, а также очень хороший и чистый есть в реках Умбе и Муне Умбской волости Кольского уезда, в которых он, Кондратьев, также промышляет».

«Почтенный старик по имени Илья Кондратьев, - вспоминал о нем исследователь жемчужного промысла на Севере России Хребтов, - около 70 лет, громадного роста и от природы очень добродушный и всегда с удовольствием рассказывающий, как по случаю приезда великого князя Алексея Александровича в Архангельск (в 1870 году. - Д. Е.) его выписали и как его высочеству угодно было удостоить его как жемчужного ловца своим милостивым разговором.

Этим промыслом занимается он не менее 40 лет и ежегодно с замечательным терпением переносит постоянные насмешки своих односельчан, русских, несмотря на то, что иногда ему счастье помогает заработать несколько крупных зерен, которые он посылает вдовствующей императрице Марии Федоровне, получая за это подарки от ее величества. Такое отношение односельчан русских к Кондратьеву объясняется завистью, хотя сами они редко занимаются таким сравнительно легким трудом».

«Нать места знать...»

Впрочем, поморы умели не только завидовать. И опыт жемчужного дела перенимали, и промыслом драгоценным занимались чем дальше, тем больше. В книге Натальи Колпаковой «Терский берег» приведен разговор с варзужским жемчуголовом Гаврилой, состоявшийся в 1896 году и сохранившийся в дневниковых записях ее деда:

« - У нас народ больше на тонях сидят, чем жемчуг ищут.

- Выгоднее, верно?

- А кто знает? Кореляки с корельского берега приезжали сюда, так ругали нас, что мы за рыбой своего настоящего богатства не видим, что лов жемчуга правильно не налаживаем. И то верно: мы свои реки не бережем. У нас и лопь ловит, и те же корелы, коли хотят. Места много, всем хватит. Как ни лови - всегда еще много останется, потому - мало народа в наших местах. А кроме того нать места знать, где жемчуг ловится. Он не везде ведь живет.

- А ты эти места знаешь?

- Немного знаю. Мне отец показал, а ему - дед».

Последний всплеск жемчужного промысла на Мурмане пришелся на 1913-й и связан прежде всего с климатическими условиями. Лето в тот год выдалось сухим и жарким, реки обмелели, что, в свою очередь, благоприятствовало добыче раковин. Воспользовались этим прежде всего варзужские жемчуголовы.

«В прежние годы этим промыслом занимались только корелы, приезжавшие для этой цели ежегодно на Варзугу, - указывал один из исследователей нашего края, впоследствии известный ботаник Константин Регель, совершивший тогда путешествие по Терскому берегу и своими глазами видевший царивший повсюду жемчужный ажиотаж. - Только впоследствии местные жители лично принялись за эксплуатацию богатств своей реки, и в нынешнее время корел уж более не встретишь на Варзуге».

Здесь рыбы нет

Забавно, но варзужские поморы, главным промыслом которых на протяжении столетий оставалась рыбная ловля, повсеместно добывая жемчуг, по-видимому, распугали всю рыбу в своей реке. Во всяком случае, Регель обозначил ситуацию именно так. «Нашу рыбную ловлю... в эти дни нельзя было назвать удачной, - утверждал он. - Варзужане, массами промышлявшие жемчуг в этих мелких водах, очевидно, изловили или спугнули находившуюся здесь рыбу, так что мне пришлось питаться исключительно сушками, сухарями, кашей и консервами... На всем протяжении от села до устья реки Паны мы встречали промышленников, возвращавшихся домой... Встретили одного варзужанина, наловившего жемчужин на сумму около 300 рублей».

Итоги «жемчужной лихорадки» 14 ноября 1913 года подвел сельский староста Варзуги Мошников, сообщивший в Кузоменское волостное правление, что жемчуг тем летом промышляли 130 промышленников и добыли его на сумму 10570 золотых рублей.

В 1914-м, вдохновленные прошлогодним успехом, варзужане отрядили на жемчужную ловлю почти в два раза больше народа - 246 человек. Промышляли на 123 лодках, поодиночке и артелями, но увы. Перлов удалось добыть только на 2806 рублей.

Упадок промысла Мошников связал с началом Первой мировой войны, объяснив вышестоящему начальству, что спрос на жемчуг снизился, «потому что за границу пропуска нету».

Накануне революции Варзуга прочно удерживала звание главного жемчужного клондайка нашего края. Командированный на Кольский полуостров Центральным военно-промышленным комитетом В. Зайцев, посетивший село в августе 1916 года, помимо чисто служебных дел докладывал в Петроград, что «лично видел довольно красивую жемчужину величиной в крупную горошину, за которую, по словам местного жителя, уплачено 80 рублей».

Близилась события, которые сломали не только государство и жизни многих его граждан, но и существовавший прежде веками, ставший к тому моменту частью традиционной поморской культуры жемчужный промысел Мурмана.

6. ДОСТАТЬ, ОБРАБОТАТЬ, ПРОДАТЬ

Кажется, жемчужный промысел - занятие нехитрое. Достал со дна ракушку, открыл, осмотрел, забрал драгоценный улов - и готово. На самом деле все не так просто. Секреты правильного обращения с раковинами и благородной добычи передавались у жемчугоголов от отца к сыну, от деда к внуку. Давайте попробуем представить себя на месте добытчиков северных перлов и проясним некоторые тонкости жемчужного ремесла.

Чернухи и кривули

Итак, энное количество выловленных жемчужниц уже у нас в руках. Что дальше? Прежде всего, не всякую добычу нужно брать. Существовали, почти как в уголовном розыске, особые приметы, по которым определяли наиболее «перспективные» экземпляры. «Выбрав из воды раковины, - сообщалось в 1910 году в «Известиях Архангельского общества изучения Русского Севера», - промышленник сортирует их, и, уже не открывая, по наружному виду, может определить, в какой раковине есть жемчуг, черный он или чистый, а равно крупный или мелкий. Приметы таковы: на внутренней стороне раковины, содержащей жемчуг, видны бороздочки, которые на наружной образуют выпуклость, по величине которой в ширину определяют, крупный или мелкий жемчуг; если выпуклость-бороздочка прошла от крепкого соединения раковины не далее половины ее, то жемчуг должен быть чистый, а если далее половины и немного не дошла до конца раковины, то жемчуг в раковине черный; если выпуклость-бороздочка прошла до самого разъединения раковины, то жемчуг выкатился, или, как говорят промышленники, «ушел».

Керетский жемчугодобытчик Василий Николаевич Келеваев рассказывал: «...Увидишь где-либо за камнем большущую раковину. Таковую, знаешь, раздутую, лохматую от водяного мха, да черную. Мы их зовем «чернухи» или «кривули». В таких вот «чернухах» и находятся самые большие перлы». В разных местах приметы могли варьироваться, но в главном - величина и неправильная форма - обычно совпадали.

Для того чтобы верно определить жемчугоносную раковину, нужен был немалый опыт, которым большинство ловцов не обладали. А потому бичом драгоценного промысла на протяжении столетий оставалось хищническое уничтожение жемчужниц.

«Наловив... множество раковин, - повествовал в 1787 году один из первых исследователей добычи северных перлов Самуил Алопеус, - все без различия раскрывают, не заботясь о том, есть там жемчуг или нет, созрел он или не созрел и, таким образом, умерщвляют жемчужную матку. Часто находят они между сотнями раковин едва одну жемчужину настоящей цены; такую вредною ловлею ныне жемчужные раковины если не совсем, то, по крайней мере, приметным образом истреблены».

Такой вот загар

Шло время, но ситуация не менялась. «Практика показывает, - пояснял в 1914 году умбский священник Анатолий Попов, - что ловят... каждую раковину, имевшую несчастье попасться в глаза промышленнику, причем каждый ловец в лето поднимет из воды не одну тысячу, быть может, даже десяток тысяч раковин... причем случается у неопытных промышленников, что из тысячи вынутых из воды раковин жемчужина попадет только в одной, хотя в то же время есть и такие (их очень немного) специалисты, которые не вынут почти ни одной пустой, без жемчуга, раковины».

Но, допустим, нужные раковины мы все-таки отобрали. Осталось достать улов. Тут уж вроде бы никаких изысков не предполагается. Разломал, осмотрел - и все. Но не будем спешить. Раскрывать ракушки тоже надо было умеючи. Существовали и для этого разные хитрые способы. Например, оставить их на несколько дней «загорать» на солнцепеке, для того чтобы они, как тогда говорили, «скисли», а створки ослабли и их легче было открыть. После чего раковину выкидывали.

Гораздо бережнее обращались с добычей керетские промышленники. «Добытых жемчужниц, - утверждал писатель Вячеслав Опарин, - раскладывали на мелком месте, хорошо освещенном солнцем. Жемчужницы приоткрывали створки. Между ними вставляли деревянную палочку и ощупывали пальцами нижнюю часть мантии... Достав жемчужину, жемчуголов относил раковины на то место, где моллюски кормились и мигрировали. Потому-то река и не скудела жемчужницами».

Однако в массе своей ловцы драгоценных зерен в такие тонкости не вникали, поступая подобно нашему первоначальному намерению, безжалостно отрывая жемчужины от остального перламутрового слоя или попросту разламывая раковины пополам, что приводило к их гибели.

Примачивали слюною

Но вот мы с вами, воспользовавшись одним из придуманных предками бережных способов осмотра раковин, выявили внутри жемчужину и аккуратно отделили ее от

остального перламутрового слоя. Что дальше? А дальше нужно грамотно ее обработать. Сразу предупреждаю, если вы человек брезгливый, правильная обработка вам не светит. Что, по мнению жемчугоголов прошлого, существенно снизит качество найденной вами жемчужины и ее будущую стоимость.

Давайте вспомним, что от других драгоценностей жемчуг отличается тем, что фактически составляет часть живого организма моллюска. Недаром его часто называют «живым» камнем. С этой особенностью связана технология «замаривания». «Из раковины жемчужину не пальцами берешь, а губами, - заявлял Василий Николаевич Келеваев. - Потом во рту ее надо подержать. От слюны она твердеет. Не умеешь обработать жемчужину, не берись и добывать».

Найдя зернышко, ловец «должен тотчас же положить его за щеку для того, чтоб оно от соприкосновения со слюной сделалось твердым, - описывает процесс изъятия жемчужины из тела моллюска Аделаида Пиге в книге «Северное Поморье». - В раковине зернышко бывает мягким и для отвердения его требуется, как говорят, около шести часов времени».

«Замаривание жемчуга, - извещал читателей в 1912 году известный архангельский историк Николай Голубцов, - производилось следующим образом. По извлечении из раковины тотчас клали его в рот на два часа, затем, переложив зерно в тряпочку, примачивали слюною и в таком виде держали его неделю и более, от чего жемчуг будто бы крепнет и не колется».

Помимо слюны использовались и другие средства. Северные перлы замачивали в слабом щелоке и в теплом настое трав. Если жемчужину не заморить, утверждали жемчугоголы, она не затвердеет и потемнеет.

Советский этнограф Владимир Чарнолусский со слов варзужан записал в одном из полевых дневников (с его записями ознакомил меня сотрудник Мурманского областного краеведческого музея Константин Коткин), что жемчужины с прозеленью местные добытчики называют «не выходившимися» и «обтирают кислотой - той, которой склеивают железо, медь и др. металлы. Немного обтирают - ценится дешевле. Некоторые (жемчужины. - Д. Е.) после очищения сморщиваются - сгорают».

После такой предварительной обработки северные перлы шли на гранильный станок, на полировку. Особые мастера - к примеру, в Архангельске - существовали для сверления жемчужных зерен. При правильном подходе жемчуг, по утверждению знатоков, живет полтора-два века, а то и более. При неправильном - съезживается, буреет, тускнеет.

Когда цены нет

Ну а теперь, после того как мы с вами по верным приметам определили и выловили жемчугоносную раковину, аккуратно извлекли и грамотно обработали жемчужину,

наступает пора ее продажи. А продать - не за бесценок, а с выгодой - тоже непросто. На протяжении столетий на Русском Севере существовал устойчивый рынок сбыта драгоценных зерен. При этом скупщики, приобретающие перлы непосредственно у добытчиков, получали порой баснословную прибыль.

Однажды в роли скупщика кольского жемчуга выступил и писатель Василий Немирович-Данченко. «Как-то сижу у себя в комнатке, - рассказывал он на страницах вышедшей в 1877 году книги «Страна холода», - входит невзрачный колянин.

- Не купите ли игрушек?

- Каких?

- Земчуг! - Разворачивает грязную тряпку - четырнадцать жемчужин местного лова, довольно правильной формы, слегка синеватых:

- Что стоит?

- Четыре рубля! - И он испуганно посмотрел на меня. «Не слишком ли запросил?»

Я только руками развел, подивившись дешевизне здешнего жемчуга.

- Где ты его добыл?

- А тут, в семи верстах ручей есть - Венцина (ныне - Вензин ручей. - Д. Е.). Там его много. У Туломы это. Купите, ежели занятно.

- Что вы не посылаете его в Архангельск?

- С чего? Кто купит? Норвежане, бывает, покупают. И то дешево дают. У нас, поди, по всей округе жемчуг есть в реках. Слыхивал я, что и за Святым носом (мыс на восточном побережье Кольского полуострова, разделяющий Баренцево и Белое моря. - Д. Е.) по Терскому берегу тоже вод ему. А только цены нет, ну и не ловим».

Купил за полтора ста, продал за пятьсот

Произвол скупщиков был тогда, что называется, притчей во языцех. «Судя по цене русского жемчуга от 1 рубля до 20 рублей за штуку, добыча его могла бы иметь важное подспорье при сельскохозяйственных занятиях крестьян», - писали в 1890 году «Олонецкие ведомости». Однако «жемчуг сбывается местным торговцам, которые вывозят его в Петербург при поездках по своим торговым делам. Цену платят на месте самую ничтожную - по 1 рублю за штуку, так что весь заработок от этого промысла не превышает 50 руб. в год. Нет сомнения, что торговцы, скупающие за бесценок этот жемчуг, сами получают за него большие деньги».

Позже, в 1894м, в тех же «Олонецких ведомостях» появилось интервью с одним из таких «деятелей жемчужного бизнеса»:

- Сколько прибыли получаете вы от продажи жемчуга? - поинтересовался спросить я одного из скупщиков.

- Всяко бывает, - ответил он, - иногда рупь на рупь выручишь, случится и меньше и то хорошо. Я, раз, знаете, случилось: купил за полтора ста, а продал за пятьсот; да более, кажется, не будет такого случая, - народ, видите ли, смысленей стал.

Истинность слов торговца подтвердил и автор публикации, подписавшийся одной буквой - П. «Что народ смысленей стал, - констатировал он, - это, действительно, правда. В первые годы с того времени, как стал в наших реках находиться жемчуг, продавцы

слишком мало, чтобы не сказать более, смыслили в оценке своего товара. Немного понимали в этом и сами покупатели. Обращалось более внимания на величину, а не на качество. С годами продавцы и покупатели стали опытнее. Теперь продавец за жемчужину, которую года три-четыре назад продавал за 20 к. просит рубль... Но и теперь, при конкуренции, продавцы получают немного разве более половины действительной стоимости жемчуга».

Ярмарка в Шунъге была одним из центров торговли северным жемчугом.

Розовый, золотистый, голубой, черный

Весьма колоритная сцена покупки речного жемчуга, имевшая место в 1896 году в Варзуге, зафиксирована в книге фольклориста, этнографа Натальи Колпаковой «Терский берег». Приведу ее в подробностях - она того стоит:

«Едва мы кончили ужинать, в дверях появился повойник хозяйки:

- Алексей Егорыч (варзужский купец. - Д. Е.), выдь... тебя спрашивают.

- Кто там? Не выйду. Зови сюда, - отозвался хозяин, удобно расположившийся в мягком кресле.

Через минуту в комнату вошел высокий, худой рыбак лет сорока пяти с бледным, болезненным лицом, В руках он держал какой-то маленький мешочек и нерешительно переступал с ноги на ногу.

- Что тебе, Гаврило? - равнодушно спросил Заборщик в ответ на поклон рыбака.

- К вам, Лексей Егорыч, - смущенно выговорил мужик, комкая в руках потрепанную меховую шапку.

- Вижу, что ко мне. Да с чем?

Рыбак потоптался у двери и сделал шаг вперед.

- Насчет жемчугу я, Лексей Егорыч. Деньги больно нужны. Так я думал, не возьмешь ли. Ты осенью приценялся...

С этими словами рыбак подошел к столу и, развязав свой мешочек, высыпал на чистую тарелку целую горсть жемчуга. Мелкими зернышками, овальными каплями, круглыми горошинками раскатился бело-серебристый, заалел нежно-розовый, заискрился

золотистый, засверкал голубой, и среди всего этого богатства редкие черные жемчужины сияли внутренним блеском светящегося угля.

Взгляд Заборщикова вспыхнул удовольствием, которое он, однако, постарался поскорее скрыть. Небрежно пересыпая нежные жемчужины на мясистой ладони, он спросил, не глядя на рыбака:

- Ты что же, весь продаешь?

Рыбак замялся.

- Да не знаю, Лексей Егорыч. Не думал продавать-то, к ярмарке берег. Да нонь приходится: деньги нужны... Думал архангельским продать, да вижу - не обернуться.

Монотонная тоска звучала в его тихом голосе.

- Я возьму вот эти, эти и пару черных, - проговорил Заборщикова, отбирая несколько розовых и голубых жемчужин. - Сколько хочешь?

- Эх, Лексей Егорыч, самые лучшие отобрали, - с жалостью глядя на жирную ладонь купца, вздохнул рыбак.

Казалось, он в эту минуту даже забыл и о деньгах, так жаль ему было расставаться с своим любимым сокровищем.

- А эти разве не продажны? - с усмешкой спросил купец.

- Бери... продажны, - отозвался рыбак, кивнув головой, - сколько даешь?

После недолгого торга рыбак получил от Заборщикова тридцать рублей и, поклонившись, вышел, видимо, огорченный».

Для лучшего понимания размера полученной варзужским жемчуголовом суммы напомним, что в 1900 году на рубль можно было купить два пуда овса, ячменя, проса или пять с половиной пудов картофеля. Средний месячный заработок рабочего на заводе в Петербурге или Москве составлял 2535 рублей. То есть 30 рублей по тем временам - вполне приличные деньги. Но, учитывая, что продавал Гаврила лучшие жемчужины из добытых за целый сезон и продавал вынужденно, по необходимости, в заведомо невыгодных для себя условиях, - он вряд ли мог остаться доволен назначенными купцом ценами и результатом торга.

В общем, к началу XX века ловцы жемчуга уже не отдавали добычу за бесценок, как раньше, но, тем не менее, цены на местах были все еще далеки от настоящих. Часто это объяснялось удаленностью и труднодоступностью того или иного селения и, соответственно, малым спросом именно там на предлагаемый драгоценный товар.

Цену предлагали шепотом

Поэтому многие добытчики предпочитали сбывать жемчужины там, где этот спрос есть. В частности, на ярмарках. Из Керети, к примеру, ходили в Логоваракку, куда съезжались продавцы и покупатели не только из Карелии и с юга Кольского полуострова, но и из Финляндии, Швеции, Норвегии.

- Эх, чертовски молод я был тогда, - вспоминал Василий Николаевич Келеваев. - Красная рубаха, высокие смазные сапоги. Под рубахой вместо нательного креста - замшевый кошелек с жемчужинами. За пазухой - кистень для «добрых» людей... Чего только нет на ярмарке... И только жемчугов не увидишь на прилавке. Скупщики так и шныряют вокруг, перехватывают жемчугоголов, цену предлагают шепотом».

Торговали жемчугом и на Шуньгской ярмарке, и на Маргаритинской. Добытые на Мурмане жемчужины порой проделывали длительные путешествия, оседая в конечном счете где-нибудь в южных уездах Архангельской губернии или под Олонцом, а то и под Вологдой. Доходили полунощные перлы и до столиц - Санкт-Петербурга и Москвы. Добирались и до границы: помимо ярмарочной торговли в той же Варзуге частенько появлялись скупщики из финской столицы Гельсингфорса, что ныне зовется Хельсинки, и Улеборга - Оулу.

«Наш лучший жемчуг, - отмечал в 1897 году исследователь жемчужного промысла на Севере России Хребтов, - очень хорош по цвету, блеску и форме. Лучшие его экземпляры, прежде всего, уходят при посредничестве скупщиков за границу, а оттуда жемчуг привозится к нам под названием ориентального (восточного. - Д. Е.)».

Как видите, выловленную нами жемчужину выгоднее было бы продать не там, где мы ее обнаружили, а на крупных ярмарках, в губернских или столичных городах. Вот только большинство ловцов не имело возможности туда попасть. Но все же северный жемчуг порой сбывали очень далеко от места его добычи. И попадал он к конечному потребителю путями довольно извилистыми.

И, говоря сегодняшним языком, все решали рынок и частный капитал. Временами, правда, раздавались голоса, призывавшие продумать и ввести государственные меры поддержки жемчугодобычи. Однако, памятуя, вероятно, горький опыт времен Петра Великого, державные мужи к ним не прислушивались. И все оставалось как есть. Вопрос о постановке ловли перлов под государственный контроль вновь возник уже после революции. Но это - другая история.

Интервенты охотно покупали добытый на Мурмане жемчуг. На фото - парад в Мурманске в честь окончания Первой мировой войны. 1918 г.

7. Трудности сбыта

Падение монархии, Октябрьская революция, Гражданская война, интервенция, окончательное установление советской власти - с 1917 по 1920 год грандиозные потрясения накатывались на Мурман, как штормовые валы, сметая на своем пути если не все, то очень многое. Вот и жемчуголовам тоже пришлось несладко.

Завороженные клады

Хотя, казалось бы, при чем тут жемчуг? Тем более что военнотружущие держав Антанты весьма охотно скупали его у местного населения. Но война и революция разрушили существовавший веками рынок сбыта драгоценных зерен. А раз нет сбыта, то и добывать тоже незачем. И когда буря истории схлынула, оказалось, что масштабы жемчужного промысла резко сократились.

Несмотря на это, добычу перлов рассматривали поначалу в числе важных факторов, способных двинуть вперед пребывающую в разрухе экономику Кольского Севера. Естественно, под полным государственным контролем. Однако иллюзии быстро рассеялись.

«О богатствах Мурманна ходили целые легенды, - с горечью констатировал выступивший 17 июля 1921 года на I съезде Советов Мурманской губернии председатель губсовнархоза Даниил Крептюков. - Много имелось в виду приобрести всякого рода сокровищ из тех ручьев и рек, а также озер, где как будто жемчугов водится видимо-невидимо, но все же где эти жемчуга лежат долгие года и, несмотря на то, что некоторые из спецов этого рода самыми усовершенствованными снарядами старались работать над добычей этих жемчугов, жемчуга, точно замороженные гоголевские клады, уходили от них, за исключением некоторых мелких добыч, не могущих оказать ровно никакого влияния на экономическую мощь края».

Вся дальнейшая история жемчужного промысла на Мурмане в 20-30-е годы минувшего века представляла собой череду попыток найти покупателей на этот, прямо скажем, довольно специфический товар. Однако ломать, как известно, куда проще, чем строить, и то, что было разрушено в пору революционного лихолетья, восстановлению поддавалось с трудом.

Вся добыча - 600 пудов муки

Уже в 1923 году раковины жемчужниц и образцы жемчуга в числе других экспонатов от Мурманской губернии были представлены на Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке в Москве - предшественнице куда более знаменитой ВДНХ. Тогда же выступивший в «Полярной правде» от имени жемчугодобытчиков Варзуги Филипп Кривошеин заявил, что местные поморы и рады бы промышлять по-прежнему, но мешает продовольственный кризис. «Голодовки совсем выбили из колеи, - писал он, - и промысел жемчуга окончательно заглох, т. к. на добычу жемчуга промышленники должны

уходить на целые месяца, обеспечив себя хлебом, но без последнего на долгий период не уйдешь. Поддержки же, хотя бы в смысле авансирования промышленников, до сих пор не было, а она необходима для поддержания варзугских жемчужников».

Несмотря на все трудности, варзужане сумели создать артель из 6 человек и добыть за сезон 300 жемчужных зерен, в числе которых, по оценке специалистов, было 80 хороших скатных жемчужин. Однако для самих ловцов итоги промысла оказались неоднозначными. «Вся добыча оценивается в 600 пудов муки, - информировала читателей «Полярка». - Принимая во внимание особо тяжелые условия жемчужного промысла, эта цена является более чем низкой, хотя заработок отдельного ловца в среднем довольно хорош».

В 1924-м заполярными жемчугами заинтересовалось одно из крупнейших на тот момент на Русском Севере предприятий - Мурманская железная дорога. Точнее, ее хозяйственное подразделение - управление рыбо-звериными промыслами «Желрыба».

«Желрыбой» было произведено обследование Терского берега и установлены в Варзуге, Умбе и на р. Муне... значительные месторождения жемчуга, - сообщила пресса. - Исследователями «Желрыбы» были присланы с мест найденные жемчужины первого, второго и третьего сорта. Образцы присланного жемчуга переданы для экспертизы и оценки. На местах началась организация жемчужных промыслов, которые могут принести большую прибыль при правильной постановке дела».

Добытые тогда на Терском берегу перлы кузоменьский кооператив оценил в 1052 рубля. В следующем году денежный эквивалент улова составил уже 10 тысяч рублей. В большинстве своем добыча была невысокого качества, но попадались отдельные жемчужины стоимостью до 80 рублей за штуку. Результаты вроде бы вполне позитивные. Однако «Желрыба» ничтоже сумняшеся признала жемчужный эксперимент провалившимся и решила его прекратить.

Черный, белый, голубой

Интересно, что жемчуголовство оставило след не только в экономике, но и в культуре нашего края. Геолог Петр Гаевский в публикации середины 20-х вспомнил о появившемся в каком-то из журналов приключенческом рассказе, герой которого «прочел объявление в газетах, что колонизационный отдел Мурманской ж. д. ищет подходящих людей по ловле жемчуга и организует экспедицию. Попадая в эту экспедицию, герой на плотках плывет по бурным рекам, на одном из порогов падает в воду, полуживого его спасают, и в ухаживавшей за ним во время его болезни девушке он находит свою «жемчужину».

Устойчивый спрос на жемчуг в советской России отсутствовал. И это вовсе не удивительно, ведь до революции перлы использовались в основном для изготовления украшений и обшивки одежды. В стране, только-только приходившей в себя после Гражданской войны, подавляющему большинству населения было не до украшательских

изысков, традиционные женские костюмы выходили из употребления, да и вообще, при изготовлении нарядов жемчуг легко заменялся бисером и стеклярусом.

Энтузиасты старинного промысла обратили свои взоры за рубеж. Вскоре драгоценным ловом заинтересовался НКВТ - Народный комиссариат внешней торговли. Государству была нужна валюта. На какое-то время добыча жемчужных зерен приобрела ярко выраженный экспортный характер. Особое внимание при этом уделялось жемчужинам голубого оттенка.

«Ленинградской гидрологической экспедицией, работающей в Мурманском районе, обнаружены новые месторождения жемчуга. Кроме черного, белого и матового, обнаружен еще весьма ценный голубой жемчуг. Одна нитка такого жемчуга расценивается в 50-70 тысяч рублей», - утверждала в 1926 году вологодская газета «Красный Север». И конкретизировала: «Севзапсоюз» (Северо-Западный областной союз кооперативов - орган потребительской кооперации - Д. Е.) в нынешнем году приступает к ловле голубого жемчуга на Мурмане... не встречающегося в других странах... Жемчуг предназначается для вывоза в Западную Европу и Америку, где на него имеется большой спрос».

Квадратный метр в Милане

В том же 1926-м заполярные перлы под патронажем Мурманского товарищества охотников отправились в Ленинград на Первую северо-западную областную охотничью, пушную, рыболовную и спортивную выставку. Среди охотничьих и рыболовных трофеев в городе на Неве были выставлены жемчуга и жемчужные раковины, добытые из вод Колы, Умбы, Варзуги и их притоков. В числе экспонатов значилась и «нитка голубых жемчугов, оцененная в 60 тысяч рублей».

Мурманчане - единственные из участников выставки - были удостоены золотой медали. И получили приглашение на знаменитую Миланскую выставку-ярмарку, проходившую с 12 по 27 апреля 1926 года. В советском павильоне, построенном по проекту архитектора Ивана Жолтовского, заполярным охотникам отвели весьма скромное место в 1 квадратный метр, на котором они разместили «908 штук разных жемчугов, жемчужные раковины, изделия из оленьих шкур (туфли и пимы) и образцы телячьей замши».

Однако ожидаемого фурора не получилось. Оказалось, что якобы существующий в Европе на заполярные перлы спрос сильно преувеличен. Более того, участие в Миланской ярмарке, по-видимому, кончилось конфузом, зафиксированным чуть позже в книге «Советская Канада» (16+) писателем Василием Локтем, выступавшим под псевдонимом А. Зорич. Случай, рассказанный им, настолько необычен, что, несмотря на обширность цитаты, позволю себе привести его красочное описание почти целиком.

Загадочная история

«Однажды, - пояснял Зорич, - сдал Госторгу партию великолепного жемчуга известный на севере ловец и охотник Некипелов. Это - интереснейший вообще тип, романтик, бродяга, следопыт, бессребреник, типичный герой рассказов Джека Лондона, влюбленный в север и поработанный им, очевидно, человек. Он месяцами одиноко живет в тундре, кочуя с места на место, избегая людей и обходя человеческое жилье и лопарские становища и изредка появляясь в Мурманске только для того, чтобы пополнить запасы сухарей и ружейных патронов...

Обычно Некипелов появляется в Мурманске с богатой добычей... в Госторге, принимая товар, ему выплачивают, случается, по несколько тысяч рублей за раз. Тотчас же его окружает целая толпа друзей, прихлебателей, бездельников, картежников и просто нуждающихся людей, и он направо и налево, со щедростью Ротшильда и с беззаботной небрежностью и великодушием рыцаря, в один час раздает, посмеиваясь, все, чем оплачено было несколько месяцев его сурового труда в тундре.

Деньги точно жгут ему руки, и он часто повторяет, что у него беспокойна бывает душа, когда они бренчат в кармане. То, что остается после раздачи, в первую же ночь проигрывается в карты и пропивается до последней копейки в портовом кабаке; наутро, с мешками сухарей и дробы за плечами, посвистывая собаке, Некипелов уходит на несколько месяцев в тундру...

В партии, которую он сдал Госторгу, было 27 великолепных, чистейших, круглых и больших, как вишни, жемчужин. Они стоили много тысяч рублей, они были образцом того, что могут дать северные жемчужные реки, и их решено было отправить на специальную выставку в Европу. Некипелов сдал их, получил расписку и ушел бродяжничать в тундру.

Когда он вернулся через несколько месяцев, ему сказали, что жемчуг не продан, так как за него не дали требуемой цены, и пришел обратно. Некипелову предложили получить его в таможне. Он отправился туда, взял ящик, запечатанный семью печатями, и, когда раскрыл его, в гнездах, где лежали его изумительные жемчужины, нашел... обточенные кусочки гранитных камней.

Всякий другой ловец на его месте был бы потрясен, конечно; многие, как это не раз случалось на промыслах, в аналогичных обстоятельствах, пустили бы себе, вероятно, пулю в лоб. Некипелов же только поднял изумленно брови, подумал секунду, потом засмеялся, бросил ящик с камнями через окно таможни в море, повернулся круто и, ни о чем никого не спрашивая, пошел прочь...

Кто и при каких обстоятельствах похитил жемчужины, так и осталось невыясненным; как это ни странно, никто не счел нужным расследовать эту загадочную историю. Но случай этот получил широко известность повсюду на Мурмане».

Конец международной «славы»

Вероятно, Василия Тимофеевича Локтя, изложившего случай с Некипеловым, можно упрекнуть в излишнем романтизме и «джеклондоновщине», но в том, что изложенный им эпизод имел под собой какую-то реальную основу, сомневаться не приходится. Вот как о том же самом сообщено в «Сводной справке о добыче перламутра и жемчуга в водоемах Мурманского округа», составленной уже в 30-е годы учеными мурманского филиала географо-экономического научно-исследовательского института при Ленинградском государственном университете.

«Жемчуг, - утверждали они, - добывался охотником-изыскателем Некипеловым, проживавшим в Грязной Губе (ныне - поселок Сафоново. - Д. Е.). Насколько известно, он промышлял преимущественно по р. Туломе. Известно также, что на Туломе было добыто в свое время некоторое количество раковин, отправленных за границу, но не выдержавших там конкуренции с южными». Стиль, конечно, совершенно иной, но факты (если отбросить «приключенческую» и «криминальную» составляющие) по сути те же.

Эти события, по-видимому, положили конец международной «славе» мурманского жемчуга. Во всяком случае, попыток отправить его на престижные международные торгово-выставочные форумы более не предпринималось.

Разумеется, сбыт заполярным перлам по-прежнему пытались найти и на внутреннем рынке. В том числе и просто - на рынке в Мурманске.

Но все же главным покупателем драгоценного улова оставался в ту пору Госторг - Государственная экспортно-импортная контора, подразделение наркомата внешней торговли, осуществлявшее в первые годы советской власти монополию на негоции с загнивающим Западом. В 1927-1928 годах Госторг скупал жемчужины на постоянной основе, что вызвало некоторое оживление среди жемчугодобытчиков Кольского Севера. Однако камнем преткновения опять стал спрос на драгоценный товар, вернее, почти полное его отсутствие.

Дело в том, что государственные конторы принимали жемчужины со многими ограничениями и оговорками, сводившими к минимуму доходы их ловцов. «Мурманский Госторг, которому в первую очередь следовало бы, казалось, заняться вопросами нашего жемчуга, всячески отмахиваясь от него, делает, напротив, все возможное, кажется, чтобы совершенно похоронить эту проблему и ликвидировать промысел, - возмущался Василий Локоть (он же - А. Зорич). - Он не только не организует собственных ловецких артелей, инструктажа, заповедников и пунктов, где принимался бы ракушечный перламутр, не только уклоняется от всякой помощи ловцам, - фактически он вообще совершенно неизвестно почему отказывается даже от скупки жемчуга, который предлагают ему лопари.

Мелкого жемчуга в Госторге не принимают почему-то вовсе. Вдобавок в мурманском отделении Госторга нет весов для жемчуга, и его носят оттуда взвешивать в... аптеку; старые же аптечные весы обладают капризным характером и странной особенностью,

вследствие которой, сколько бы ни перевешивали жемчужину, они каждый раз показывают другой вес».

Нет никакого спроса

Сложности со сдачей жемчужного улова и приемка драгоценных зерен по низкой цене приводили к тому, что желающих заниматься жемчугодобычей становилось все меньше. Руки опускались даже у энтузиастов. Так, в августе 1927 года на районном съезде Советов выступавший в прениях варзужанин Мошников настоятельно призывал «разрешить вопрос о сбыте жемчуга, т. к. таковой имеется и мог бы принести доход местному населению», а чуть позже фактически повторил эту мысль, заявив, что «надо развивать промысел жемчуга... а для этого нужно подыскать предварительно рынок сбыта».

В 1928-м та же идея прозвучала на заседании экономической секции Терского райисполкома. Тогда же управляющий мурманским отделением «Севзапсоюза» Дмитриев в докладной записке о посещении Терского берега сокрушался: «В недалеком прошлом население уделяло много внимания и жемчужному промыслу. Вылавливаемый в р. Варзуге жемчуг имел хороший сбыт (обратите внимание - опять сбыт во главе угла - Д. Е.) и был хорошим подспорьем в бюджете хозяйства. В настоящее время на этот жемчуг абсолютно нет никакого спроса, и жемчужный промысел пришел почти в полный упадок: добыча жемчуга стала случайным явлением».

Но все это оставалось гласом вопиющего в пустыне. Исключение составляла Кереть, где вплоть до 1940 года действовала возглавляемая Василием Николаевичем Келеваевым артель, добывшая несколько тысяч ювелирных жемчужин. В остальном же предпринимаемые время от времени попытки возобновить лов перлов оставались лишь угасающим эхом существовавшего прежде промысла, благими намерениями, которые, увы, так ни к чему и не привели.

Возрождения не произошло

К примеру, «Полярка» 6 мая 1933 года утверждала, что «ряд колхозов и колхозников на Севере изъявили свое согласие на возобновление этого (жемчужного - Д. Е.) промысла. Уже укомплектовано несколько партий и бригад по 4-6 человек в различных местах промысла». Согласно указанному в заметке «Восстановить заброшенный промысел жемчуга» некоему отчету, добыча перлов должна была стать чрезвычайно выгодным делом, поскольку «одна жемчужина будет скупаться не менее как за 2 рубля штука». Обозначались и конкретные шаги по организации драгоценного лова: «Главрыба и Рыбконсервэкспорт должны будут немедленно, не позднее 1 июня, выявить и установить приемные пункты, установить точные цены на жемчуг и перламутр. Севрыба и Мургосрыбтрест должны обеспечить ловцов жемчуга необходимым авансом и инвентарем. Должны будут подыскать оценщиков жемчуга и использовать их по назначению». Однако дальше деклараций дело и на сей раз не пошло.

25 февраля 1936 года на заседании президиума Ленинградского областного совета промысловой кооперации среди прочего было решено, «учитывая наличие в Терском районе Мурманского округа перламутровой ракушки с содержанием жемчуга... организовать... на базе артели «Беломор» в Умбе... добычу жемчуга из собираемых ракушек в количестве, ориентировочно, 20 тысяч штук в год». Предполагалось, что из этого числа 8 тысяч составят жемчужины первого сорта, 12 тысяч - второго и третьего.

В 1938-м дело, вроде бы, перешло в практическую плоскость - Леноблпромсовет отпустил «для налаживания промысла жемчуга» 150 тысяч рублей. Артель «Беломор» взялась за организацию специальной бригады жемчугодобытчиков, которую должны были составить колхозники села Варзуга. Однако и тут - не сложилось.

В итоге оправдались печальные выводы, к которым пришел в книге «Советская Канада» (16+) ее автор Локоть-Зорич: «Не встречая никакой поддержки в работе, принужденные за бесценок отдавать продукт своего тяжелого труда, смущенные и озадаченные тем странным равнодушием, с которым относятся к ним и к их делу в Мурманске, ловцы один за другим покидают жемчужные промыслы, разбредаясь по краю в поисках другой работы, и брошенные промыслы все больше и больше пустеют и хиреют с каждым днем прямо на глазах».

Тем не менее академик Ферсман, оценивавший накануне Великой Отечественной войны полезные ископаемые Кольского полуострова, в число которых он включил и жемчуг, был сдержанно оптимистичен, заявляя, что «в настоящее время... намечаются некоторые меры по возрождению жемчужных промыслов, что, по нашему мнению, является вполне реальным и может привести к практически ценным результатам».

Но жизнь рассудила иначе. Вместе со многими другими война отложила на потом и этот вопрос. Постепенно уходило в мир иной поколение, которое имело практический опыт добычи жемчуга. Традиции жемчуголовства становились достоянием прошлого, забывались, исчезали. И, в конечном счете, возрождения не произошло.

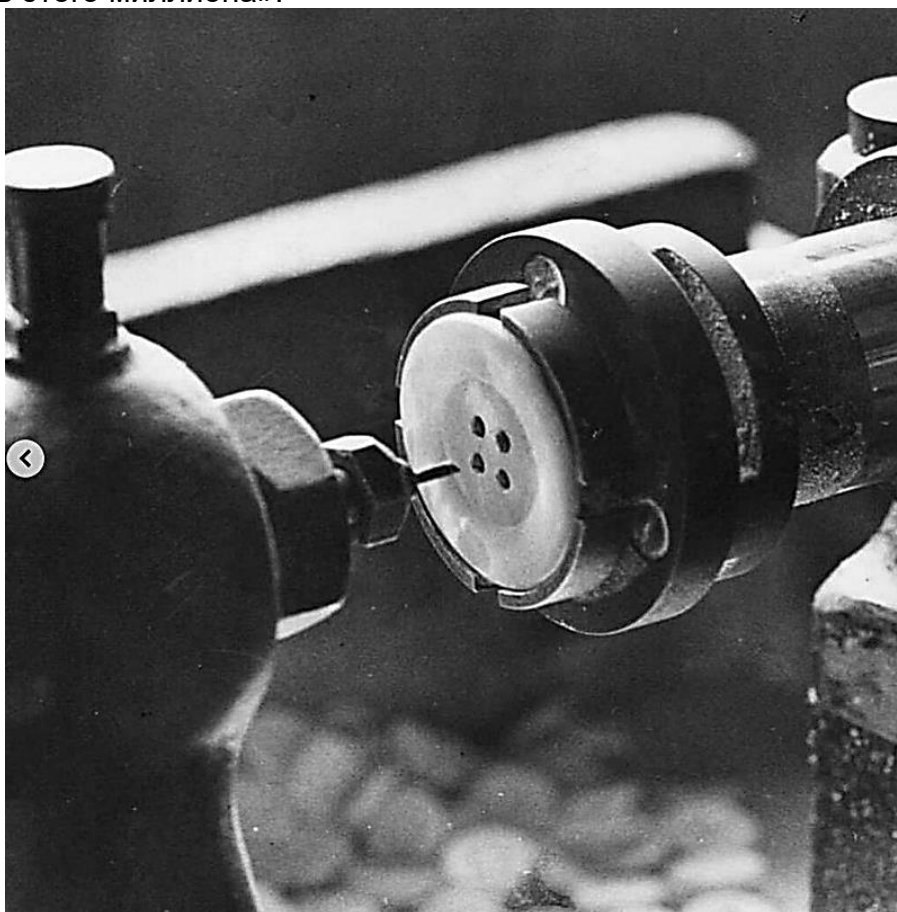
8. Драгоценные отходы

Наверное, вы хоть раз в жизни видели речную раковину. Не морскую, причудливо закрученную, с завитушками, напоминающую по форме домик, которую можно приложить к уху и слушать шум моря. Не полукруглую, ребристую, чем-то похожую на раскрытый веер. Нет, именно речную - обыкновенную, овальную, этакую маленькую лодочку с закругленными носом и кормой. Помню, в детстве, в турпоходах, мы для экзотики использовали их створки вместо ложек. Впрочем, я не об этом. Если видели, то, конечно, обращали внимание, что внешняя сторона у нее бурая, под цвет речного дна, а внутренняя - переливчатая, перламутровая. Вот о перламутре и речь.

К ловле жемчуга вполне применимо высказывание Маяковского о поэзии: «В грамм добыча, в годы труды». Сотни, а то и тысячи моллюсков приходилось доставать и осматривать для того, чтобы отыскать одно-единственное драгоценное зернышко. Огромное количество сопутствующего материала выбрасывалось за ненадобностью, шло в отвал. После ухода промышленников по берегам рек и ручьев оставались груды вскрытых и брошенных раковин. Так продолжалось столетиями. Однако после революции на то, что считалось прежде отходами производства, взглянули иначе - как на ценное сырье.

24 декабря 1918 года, в разгар Гражданской войны и интервенции, «Вестник Временного правительства Северной области», издававшийся в Архангельске при белых, опубликовал размышления энтузиаста развития местных промыслов Анатолия Попова, заявлявшего, что «необходимо обратить внимание на продуктивное использование жемчужных раковин путем выработки из створок их перламутровых пуговиц, запонок и др. изделий».

Автор сокрушался, что «выработка этих пуговиц в России совершенно не развита, и до войны Германия ввозила их к нам более чем на миллион рублей ежегодно», мечтал о том, что «развитие этого производства, быть может, сохранило бы в русском кошельке некоторую часть этого миллиона».

Процесс изготовления пуговицы из перламутра.

Жемчуг - побочный продукт

И это было только начало. Ловля перлов, зависевшая от капризов погоды, воли случая и других, мало поддающихся строгому учету и контролю обстоятельств, выглядела

в глазах государства весьма ненадежным источником дохода. К тому же устойчивый спрос на жемчуг в Стране Советов отсутствовал, а значит, выгода от его добычи тем более не была гарантирована.

Зато использование перламутра могло принести стабильную прибыль. Казалось, сокровища даже не надо искать, они буквально лежат под ногами - в виде гор оставленных жемчуголовами ракушек. А потому, когда советская власть на Кольском полуострове утвердилась окончательно, жемчужные раковины стали предметом пристального внимания.

Причем если раньше желанной добычей был именно жемчуг, а перламутровые створки моллюска выбрасывали, как ненужный мусор, то теперь прежние отходы производства вышли на первый план, а жемчужины по большей части рассматривались как побочный продукт, добываемый в дополнение к главному - раковинам.

Перламутр - модная тема

Поборником северного перламутра был помор Золотовский - матрос с моторно-парусной исследовательской шхуны «Александр Ковалевский», принадлежащей Мурманской биологической станции в Александровске (ныне - Полярный - Д. Е.).

Вдоль и поперек исходив наши заполярные края в поисках перламутровых ракушек, Золотовский, как сообщала тогда пресса, «пришел к тому заключению, что они имеются на Мурмане в достаточном количестве и очень мало уступают по качеству имеющимся в крайне ограниченном количестве южным, дальневосточным и сибирским раковинам».

С учетом выдвинутых тогда партией и правительством директив о замене иностранного сырья отечественным, перламутр на какое-то время стал модной темой. Газеты и журналы запестрели заметками о необходимости его использования. Аргументы при этом выдвигались как идеологические, мол, доколе будем зависеть от поставок проклятых капиталистов, так и финансовые. Вот лишь несколько примеров.

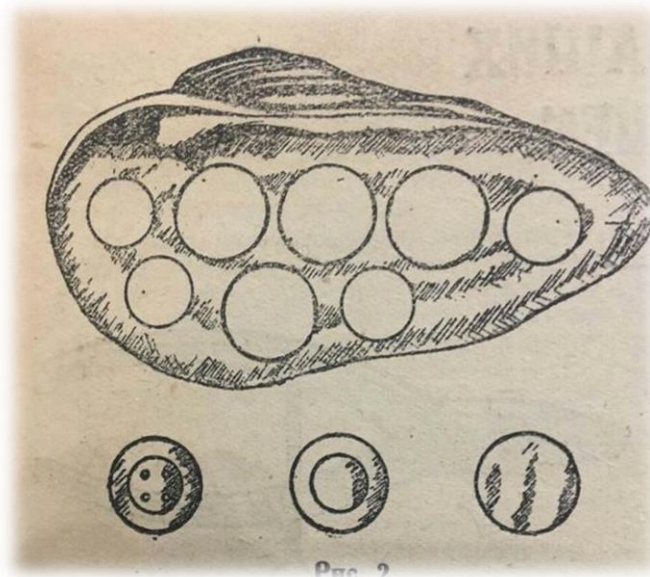

Схема производства перламутровых пуговиц из раковины жемчужницы.

«Из жемчужных раковин выделяется перламутр, в котором советский рынок испытывает сейчас большую нужду и который сейчас доставляется из-за границы, где приходится платить от 57 до 120 английских фунтов за тонну. На готовые же перламутровые изделия существует еще и высокая пошлина - 25 рублей за килограмм».

«Страна испытывает чрезвычайную нужду в перламутровом сырье, и мы ежегодно ввозим его из-за границы на два с лишним миллиона рублей... Кучи ракушечных отбросов, в которых гниет отличный перламутр и бессмысленно гибнет золото республики, продолжают лежать бесцельно по берегам рек». «Маленькие перламутровые пуговицы уносятся за границу многие миллионы рублей».

Не просушена - темнеет

Золотовскому удалось пробудить интерес торговых организаций. В 1927 году закупку раковин начал Госторг, а конкуренцию ему составил нэпман (сегодня его назвали бы частным предпринимателем - Д. Е.) Емельянов. Артель, нанятая им, трудилась на реке Гридинке около Ковды, а сдавала добычу - величиной не менее полутора вершков или, по нынешним меркам, около 6 с половиной сантиметров - в Кандалакше. Артельщики заработали за 2 недели вполне приличные по тем временам 250 рублей на человека.

Интересно, что другая артель, нанятая Госторгом, получила меньше - по 120 рублей на человека за 2 недели, но из-за того, что работала она дольше, средний заработок на одного промышленника здесь составил 336 рублей.

Добыча перламутра не сильно отличалась от жемчужного промысла. Хотя, конечно, имелись свои нюансы. Помимо сбора старых, вскрытых ранее раковин по берегам жемчугоносных водоемов, применяли и другие методы. Кустарный - вручную, сачками, лопатами - и промышленный.

Последний заключался в том, что ручьи и реки перекрывали плотинами, воду отводили и брали ракушки с осушенного дна. Потом, как сообщалось в «Сводной справке о добыче перламутра и жемчуга в водоемах Мурманского округа», составленной в 1935 году специалистами мурманского филиала географо-экономического научно-исследовательского института при Ленинградском государственном университете, их вываливали «на берег в нераскрытом виде и выдерживали, пока после смерти животного они сами не раскроются. Затем тело моллюска вырывали, раковину промывали, сушили в течение суток и складывали в ящики или корзины. Если раковина не просушена, то перламутр темнеет, если ее продержали долго на солнце - перламутр трескается».

8. Драгоценные отходы

И заключенные в помощь

В ожидании будущих крупных поставок, в которых уже почти никто не сомневался, Госторг обязал местное население, проживающее на Терском берегу Белого моря и у реки Туломы, собрать еще 5 тонн жемчужных раковин. Потом к делу решили подключить дешевую рабочую силу - заключенных.

В сентябре 1929 года в Мурманске состоялось совещание членов окружного исполкома и представителей Управления соловецких лагерей особого назначения НКВД СССР (УСЛОНа). Среди прочих рассматривался и вопрос «использования перламутровых раковин, находящихся в реках Мурманского округа». УСЛОН, как было отмечено в протоколе, «принципиально» не возражал и взял «на себя обязательство» изучить проблему, после чего принять окончательное решение. Но до применения принудительного труда на перламутровых заготовках дело все-таки не дошло.

Заполярное сырье, между тем, положительно оценили потребители. Журналист Д. А. Юнгмейстер лично доставил образцы мурманских раковин в Москву на пуговичную фабрику имени Балакирева. «И вот уже 6 ракушек брошены в быстрые машины, - писал он в очерке «Советский жемчуг и перламутр», опубликованном в 1929-м в журнале «На суше и на море», - еще немного - и сверкают блестящие перламутровые пуговицы на мозолистой руке мастера. Мы рассматриваем эти пуговицы, они - те самые, за которые мы платили миллионы, тот же блеск, та же игра перламутра.

- Это дело бросить нельзя, - говорят мне мастер и пом. директора фабрики, - да и за границу нечего отправлять сырьем, мы прекрасно переработаем на пуговицы. Только организуйте сбор».

«Наши реки, - резюмировал Юнгмейстер, - несут нам тысячи тонн драгоценного перламутрового сырья, наши машины ждут своими стальными челюстями перегрызть их в готовые изделия. Рынок требует дешевых перламутровых пуговиц. Нельзя дать погибнуть делу, начатому матросом-помором Золотовским».

Подходили с оговорками

Однако столь удачно стартовавшая добыча заполярного перламутра вскоре застопорилась. Причины этого в 1934 году проанализировал профессор Иван Арнольд, отметивший, что северная жемчужница как сырье уступает другим видам пресноводных моллюсков, поскольку «имеет сильно изъеденную и с пятнистым перламутром раковину».

Кроме того, он пояснил, что часто «ракушки собирались не свежие, а долго валявшиеся на берегу», а для пуговичного производства подходят «только живые ракушки, ибо раковины мертвых моллюсков ввиду быстрого выветривания на воздухе или выщелачивания в воде становятся очень ломкими, крошатся при обработке».

Иван Николаевич Арнольд. 1929 г.

Вдобавок, согласно особой инструкции Рыбколхозцентра, выпущенной в 1932 году, заготовке подлежали «только чистые ракушки, мало изъеденные с поверхности и не имеющие пятен на перламутровом слое». Мало этого, в дело годились «только свежие, не

выветрившиеся ракушки, даже свет и сквозняк вредно влияют на это оригинальное сырье, если оно долго залеживается на складах». Словом, заполярные раковины подходили для использования лишь с оговорками, уступая в соперничестве с моллюсками из других мест Советского Союза.

Несмотря на то, что первый перламутровый блин вышел комом, попытки наладить на Кольском полуострове заготовку жемчужных раковин продолжались и дальше. В 1933 году колхозники Умбы и Варзуги дали согласие на организацию специальных артелей численностью от 4 до 8 человек для промысла перламутра и, попутно, жемчуга.

Планировалось, что «при ежедневной добыче на человека по 22-25 кг и при продолжительности лова в 1,5 месяца две артели могли бы дать около 10 тонн раковин и несколько тысяч жемчужин (считая по одной жемчужине на 250-350 шт. раковин)». Но планы так и остались планами.

Водоросли добывали, а раковины нет

В феврале 1936 года за дело взялся Ленинградский областной совет промысловой кооперации (напомню, наш край входил тогда в состав Ленинградской области. - Д. Е.). Президиум Леноблпромсовета постановил «организовать в Терском районе на базе артели «Беломор» в Умбе производство перламутровой пуговицы с проектной мощностью 200,0 тыс. десятков в год».

От слов практически сразу перешли к делу. Председателю мурманского окружного промсоюза Ларцеву было предложено «в месячный срок проработать вопрос об утилизации моллюсков от собираемых ракушек». Выделялись деньги на проектно-сметную документацию по пуговичному производству - 15 тысяч рублей.

Добычу агар-агара из водорослей, которыми изобиловали окрестности Умбы, наладить удалось. А добычу перламутра из раковин жемчужниц - нет.

Параллельно предлагалось изучить вопрос добычи агар-агара из водорослей «анфальция пликота». И производство агар-агара спустя недолгое время было-таки в Умбе организовано. А производство пуговиц - нет. Почему - непонятно. Вопрос, как говорится, нуждается в дальнейшем изучении.

Казалось, все уже было решено. В ноябре 1937-го «Полярка» сообщала, что окружной исполком включил в смету на будущий год 100 тысяч рублей именно «на пуговицы». В мае 1938-го она же уверяла читателей, что «предварительные данные о запасах жемчужницы в наших реках представляют полную возможность организовать промысел в Терском районе. Мы можем иметь в год 50 тонн перламутра». Однако перламутр никак не хотел добываться, а пуговицы - производиться.

Чрезвычайно густые скопления

Последние попытки наладить заготовку перламутра в нашем крае связаны с Кандалакшей. 3 июня 1940 года Петергофский биологический институт Ленинградского государственного университета заключил договор с Мурманским областным управлением местной промышленности «на производство гидробиологического обследования жемчуженосных рек Кандалакшского района с целью определения эксплуатационного запаса жемчужницы и установления технических качеств ее раковины». Точный список рек, подлежащих обследованию, передал биологам в Кандалакше сотрудник Муроблместпрома Николай Соколов.

«Оказалось, - подводил итоги работы ученых «Комсомолец Заполярья», - что наиболее богаты жемчужными раковинами реки Емеж, Сайда и Ките (в бассейне озера Вадозера). Там общий запас жемчужниц в 1,8 миллиона штук. На некоторых участках этих рек наблюдаются чрезвычайно густые скопления моллюсков, известные до сих пор только для сибирской жемчужницы. Запасы рек Терского побережья во много раз, вероятно, превышают указанные, но их тоже надо уточнить».

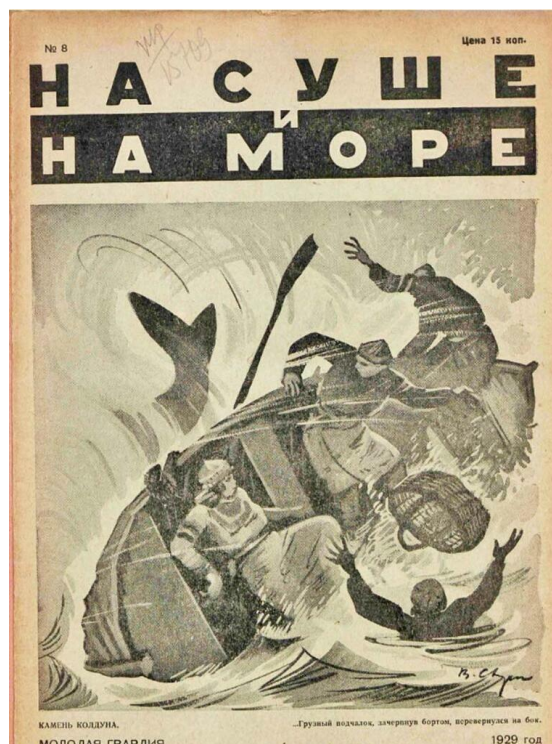
Раковина с вырезанными перламутровыми заготовками.

Техническая экспертиза, проведенная в ходе экспедиции, показала, что кандалакшские раковины «являются вполне пригодным сырьем», причем очень экономичным. Средний расход материала на одну пуговицу из северной жемчужницы составлял 3 грамма, тогда как из раковин обычно применявшихся для этих целей моллюсков рода перловицы - 12 граммов. Из 37 переработанных на пробу створок раковин было получено 389 пуговиц и пластинок для запонок.

«Однако, - отмечал проводивший исследование технический директор московской пуговичной фабрики «Перламутр» Фусман, - при сопоставлении качества пуговиц с перловицей и пуговиц жемчужницы первые имеют преимущество вследствие их белого без пятен цвета. Существенным недостатком жемчужницы является ее пятнистость. Этот недостаток частично компенсируется за счет радужных перламутровых отливов, которые имеют пуговицы, вырабатываемые из раковин жемчужницы».

Проведению дальнейших исследований помешала Великая Отечественная война. Но не успела еще Красная армия полностью освободить территорию Кандалакшского района, как 20 сентября 1944 года «Полярная правда» проинформировала читателей о том, что «в настоящее время при Кандалакшском райпромкомбинате организуется фабрика перламутровой пуговицы. Необходимое для нее оборудование выделено наркоматом и уже отгружено. Имеются также и подготовленные кадры для вновь организуемого предприятия. Пять работников комбината прошли недавно на одной из московских пуговичных фабрик месячную практическую подготовку».

Фабрика приступила к работе в конце того же года и переработала заготовленную для нее партию сырья - 12 тысяч ракушек. Справедливости ради отмечу, что добыча велась щадящими методами - с помощью специальных сачков.

Один из выпусков журнала «На суше и на море» за 1929 г.

Только пробные партии

В 1946-м продолжились биологические исследования. Специалисты Петергофского биологического института выдали кандалакшанам практические рекомендации по заготовке перламутра, посоветовав брать моллюсков не менее 9 сантиметров длиной. А заодно предложили использовать добываемых жемчужниц как можно более полно, вырабатывая из остатков раковин инкрустации для музыкальных инструментов, а тела моллюсков отдавая на корм скоту. Таким образом, производство стало бы почти безотходным. Наиболее перспективными были признаны залежи ракушек на реке Емеж, «к которой подходит железная дорога из г. Кандалакши».

В 1947 году для нужд фабрики заготовили 10 тысяч жемчужниц, из которых произвели бельевые пуговицы, направленные для продажи в торговую сеть области. Однако дальше таких - пробных по сути партий - дело не пошло. Спрос на заполярный перламутр был невысок.

«Наилучшего качества раковины добываются в реках Башкирии, Краснодарского края, Воронежской области, Украины», - констатировал в капитальном труде «Моллюски пресных и солоноватых вод СССР», вышедшем в 1952 году, известный советский гидробиолог и малаколог (то есть ученый, изучающий моллюсков. - Д. Е.) Владимир Жадин.

*Так выглядела пуговичная фабрика имени Балакирева в 20-30-е гг. XX в.
Сюда и привез журналист Д. А. Юнгмейстер мурманские раковины.*

А спустя еще какое-то время проблема и вовсе утратила актуальность - в 60-е годы минувшего века выпуск перламутровых пуговиц по всей стране постепенно сошел на нет. Пуговичные предприятия массово переходили на пластмассу.

В итоге крупное перламутровое производство на Мурмане так и не появилось. Может, и к лучшему, учитывая, какой урон мог быть нанесен хрупкой северной природе при добыче моллюсков промышленным способом - с помощью осушения речного русла, приводящего к массовой гибели жемчужниц.

(Продолжение следует...)

Дмитрий Ермолаев, сотрудник Государственного архива Мурманской области.

<https://www.mvestnik.ru/our-home/utrachennoe-sokroviw>